

Константин Лопушанский

Сквозь черное стекло

Сценарии
Диалоги
Пресса

Константин Лопушанский
Сквозь черное стекло

«Алетейя»

2020

УДК 791.43
ББК 85.374(2)

Лопушанский К. С.

Сквозь черное стекло / К. С. Лопушанский — «Алетейя», 2020

ISBN 978-5-00165-099-7

В новую книгу известного кинорежиссера Константина Лопушанского вошли сценарии его двух последних фильмов «Сквозь черное стекло» и «Роль» и два оригинальных сценария, планируемых к постановке. Книга дополнена диалогами и интервью с режиссером, а также отзывами прессы.

УДК 791.43
ББК 85.374(2)

ISBN 978-5-00165-099-7

© Лопушанский К. С., 2020
© Алетейя, 2020

Содержание

Вместо предисловия	6
«Искусство и зритель давно себе не позволяли ничего подобного»	6
Константин Лопушанский. «Сквозь черное стекло»	8
Пресса о фильме «Сквозь черное стекло»	54
Константин Лопушанский. Павел Финн. «Роль»	74
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Константин Лопушанский

Сквозь черное стекло.

Сценарии, диалоги, пресса

© К. С. Лопушанский, 2020

© Д. Л. Быков, предисловие, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Вместо предисловия

«Искусство и зритель давно себе не позволяли ничего подобного» Дмитрий Быков о фильме Константина Лопушанского «Сквозь черное стекло»

Интервью Марины Субботиной

Какое впечатление произвел на вас фильм?

– Впечатление произвел такое, что я неудержимо ревел как при первом, так и при втором просмотре. Казалось бы, чего ради подвергать себя такому испытанию во второй раз? – но странным образом я испытывал облегчение, словно наконец разрешил себе какую-то долго скрываемую или долго подавляемую эмоцию. Там, понимаете, два слоя (их больше, но два основных): во-первых, это сентиментальная история, намеренно сделанная в лоб, очень прямо и очень сильными, в каком-то смысле запретными средствами: и искусство, и зритель давно себе не позволяли ничего подобного. Всем кажется, что это грубо и как бы неконвенционально, но эти эмоции зачем-то нужны, эти приемы прочему-то облагораживают искусство, и Диккенса, например, никто не отменял. А второй слой – собственно интеллектуальный, поскольку Лопушанский именно умный режиссер, никогда не ограничивающийся мелодрамой, – предчувствие великих и страшных перемен, и слой этот блоковский, потому что вся картина построена на блоковских реминисценциях, от «Девушка пела в церковном хоре» до «Боже, бежим от суда!». Лопушанский поймал то ощущение, которое лучше всего выражает Блок и с которым, не признаваясь себе в этом, живут сейчас все. Это ощущение конца времен и по крайней мере великих катаклизмов, которых все боятся и которые усердно продолжают приближать. Так что – цитируя того же Блока – «то душа, на новый путь вступая, безумно плачет о прошедших снах».

Видите, что важно: Блок – лучший русский лирик, бесспорный гений, мастер точнейшего названия трудноуловимых вещей, и не только названия, но и передачи их: звуком, ритмом. При этом со вкусом у него сложно обстоят дела: многое у него – это отмечали все настоящие его любители, позволяющие себе говорить о любимом всю правду, – отдает романсом, есть прямая бульварщина, и, отражая пошлое время, он прибегает к пошлости как к одной из вполне легитимных красок. И вот Лопушанский в этой картине напрочь забыл – вполне сознательно – о правилах хорошего тона. Он взял героиню и ситуацию, которые гарантированно вызовут упреки в чрезмерности, в манипуляции, в спекуляции даже. Ему нужна конкретная зрительская эмоция – предчувствие катаклизмов и жгучий стыд. Вот он и выбивает эту эмоцию – выбивает прямо-таки сапогами, ну а что сделаешь? Мне кажется, некоторую роль тут сыграла, простите за каламбур, судьба его предыдущей картины «Роль» – фильма очень сложного, очень значительного, глубокого, но мало кем понятого. И тогда он внутри себя решил: а, вы хотите просто – ну вот вам. И зритель, ругая Лопушанского (а такие отзывы уже есть), злится прежде всего на то, что его заставили вот такие сильные эмоции переживать – а сделали все на пальцах, без изысков, цинично нажав на самые больные точки. Ну, так ведь, братцы, это не Лопушанский виноват, что вы так долго запрещали себе испытывать простые и важные человеческие чувства.

На ваш взгляд, что хотел донести режиссер этим фильмом, какой смысл в него вкладывал?

– Видите ли, не всегда режиссер хочет донести смысл. Лопушанский, при всей своей репутации интеллектуала, которую он, кстати, не любит и не создавал, – доносит не мысли, не теоретические обобщения, а эмоцию. Какой смысл в фильме «Соло»? Что искусство растет из ада и побеждает ад? Он не это хотел сказать. Это слишком просто было бы. Он хочет показать... вот не знаю, не скажешь этого никак другими средствами. Градский мне как-то объяснил, что музыка существует для выражения вещей, которые не имеют вербального аналога. Лопушанский ведь музыковед по первому образованию, отсюда симфоническое построение его картин, важность лейтмотивов, fuga как любимый жанр. Тут какой-то очень сложный смысл – предвидение больших потрясений, полная их заслуженность, скорбь по утраченной или изнасилованной душе... Какое-то страшно важное высказывание, для которого он парадоксальным образом выбрал такую почти романсовую форму, жанр городской баллады или даже страшилки. Но ему показалось, что иначе это будет не так мучительно звучать – как шарманка в городском дворе.

Вы бы порекомендовали посмотреть фильм?

– Я не верю в силу рекомендаций, но смотреть этот фильм надо всем, кто чувствует неблагополучие и не может его сформулировать. Ну и всем, кто в отчаянии, потому что эта картина его исцеляет. А обратить внимание... Просто если вам вдруг покажется, что все уж очень просто, – не забывайте, что этот режиссер снял «Русскую симфонию», «Роль», «Гадких лебедей», в конце концов. Он серьезный довольно малый, вообще говоря, так что не думайте, будто перед вами плоский лубок. Перед вами, может быть, самый сложный русский фильм последних лет, почему на главную роль там и взят самый неоднозначный и глубокий русский актер своего поколения.

Какие моменты фильма произвели на вас наибольшее впечатление? Что бы хотели сказать режиссеру?

– А я ему и сказал. Сквозь слезы, разумеется, и ужасно негодуя, сказал ему, что там-то и там-то следует сократить. На что Лопушанский разумно посоветовал: «Сперва сопли вытри, потом советы давай».

Он меня долго приводил в себя. Пришлось прибегнуть к «ХО», хоть я и не пью давно. Помню, что позвонил Суханову в Германию и сказал: «Макс, но если ты это смог сыграть... значит, в тебе все это – есть?! Но не можешь же ты быть таким? А выдумать это нельзя». Макс очень удивился. Он думал, я уже как-то умею разделять актера и роль.

Кто из героев вам больше всего понравился. Чем именно?

– Строго говоря, герой там один – Лопушанский. Его ужас, его прозрения, его сострадание. Все остальные – персонификации его надежд и страхов. Это жанр такой, мистерия. От него нельзя требовать психологизма, но можно требовать главной правды. Которую он и говорит.

Операторская? Актерская работа?

– Да в таких вещах, знаете, уже как-то неважно, кто наибольший профессионал. Тут, как после «Писем мертвого человека», ходишь несколько дней, как бы не в себе. Это не профессионализм, а совсем другое – люди как-то дали через себя говорить главному режиссеру, и этот режиссер совсем не Лопушанский. Так мне кажется. А если кому-то так не кажется – ну что, такому человеку можно только позавидовать.

Константин Лопушанский. «Сквозь черное стекло» **Сценарий полнометражного художественного фильма**

СЦЕНА 1. ИНТЕРНАТ. ПОМЕЩЕНИЕ ВОСПИТАНИЦ. ИНТ. СОВМ. С КОМБ. ФОН ПОД ТИТРЫ. НОЧЬ. ОСЕНЬ. СОВРЕМЕННОСТЬ.

В полной темноте слышны лишь негромкие звуки, по которым можно различить, что кто-то встает с кровати, железной казенной скрипучей койки, затем слышны осторожные легкие шаги. Теперь появляется девичья рука, она движется в темноту, словно ощупывая пространство и, наконец, упирается в какое-то препятствие. Препятствие постепенно обретает очертания и становится окном.

Листья деревьев шумят под ветром, моросит дождь и эти звуки становятся все более похожи на морской прибор. Брызги стучат по стеклу. Рука скользит по темному стеклу.

На фоне этих кадров идут начальные титры.

– Настя, ты что, не спишь? – раздается, приближаясь, тихий голос.

Рядом с окном появляется девушка лет семнадцати, Аня, в очках с очень сильной диоптрией, в халатике поверх ночной рубашки.

– Уснуть не могу... – Настя дотрагивается до руки подруги, словно проверяя, где она.

– А правда ведь листья шумят также как море? – помолчав, спрашивает Настя.

– Ну, да. Похоже. Когда ветер особенно.

Они молчат какое-то время. Видно, что Аня хочет спросить что-то, но не решается. Наконец она не выдерживает:

– Настя...

– Что?

– Ну, ты решила, наконец, что-то? Да, или нет? Сегодня уже вторник.

– Еще не решила. Нет еще.

– Как нет? – невольно вскрикивает Аня. – Ну, как нет?

– Аня, Настя, девочки! Кончайте болтать, спать дайте. Сколько можно? – доносится из глубины помещения.

– Ладно. Утром поговорим, – тихо шепчет Аня и уходит в темноту. Раздается скрип кровати, затем оттуда уже – шепотом. – Ты завтра пойдешь к причастию?

– Обязательно.

СЦЕНА 2. ДВОР ИНТЕРНАТА. РАННЕЕ УТРО. ОСЕНЬ.

Утренний полумрак. Туман висит между деревьями. Большая группа воспитанниц разного возраста выходит из дверей интерната и направляется к монастырю, расположенному здесь же во дворе, в соседнем здании. Идут гуськом. Убогие пальтишки, все одинаковые, казенные. Все в очках. В конце группы идет Настя. Ее очки черные, как это принято у слепых. Аня держит ее под руку. Со стороны монастыря уже доносится мерное звучание колокола. Звонят к утренней службе.

СЦЕНА 3. МОНАСТЫРЬ. ЦЕРКОВЬ. РАННЕЕ УТРО.

Следом за другими, Настя подходит к причастию, затем довольно уверенно, зная, где это расположено, идет к столику с «теплотой». Потом она подходит к «праздничной» иконе, прикладывается к ней. Затем идет уверенно к боковой стене, где висит икона Святой Блаженной Матроны Московской. Стоит у нее, будто видит, гладит ее рукой, дотрагивается до нее лбом и застывает так, надолго.

СЦЕНА 4. ИНТЕРНАТ. СТОЛОВАЯ. УТРО.

В столовой шумно, завтрак только начался – звон посуды, шаги, голоса, скрип стульев. Настя привычно подходит к своему столу:

– Настя, Игнатьева, – окликает ее воспитательница. – после завтрака сразу к Людмиле Петровне. Поняла?

– Да. Хорошо.

Настя садится к столу.

– Тебя уже спрашивали, – говорит Аня. – Людмила приходила сама, искала тебя...

СЦЕНА 5. ИНТЕРНАТ. КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА. УТРО.

Настя входит в директорский кабинет. Людмила Петровна продолжает говорить по телефону.

– Да. На мое имя. Садись сюда, – говорит она Насте и снова в трубку. – Запишите. Областной женский интернат для слабовидящих при женском монастыре. Да, Святой равноапостольной, пишется вместе. Что? Нет, нет. Все вопросы мы решаем сами. Монастырь только осуществляет шефство. Ну и помещение, конечно. Это предоставили они. Разумеется. Но им тоже нужен ремонт. Так что тут не будет проблем. Да. Звоните. Жду бумаги от вас.

Людмила Петровна отключает телефон и поворачивается к Насте:

– Ну, что, Игнатьева. Подумала? Что решила? Время же идет. Уже вторник. Что ты молчишь?

Настя не отвечает.

– Я не знаю, Людмила Петровна. Не понимаю, как мне быть. – Настя вдруг начинает плакать.

– Так, так, подожди. Что ты не понимаешь? Что? – Людмила Петровна обнимает ее за плечи и садится рядом. – Давай разберемся, спокойно, без лишних эмоций.

– Тебе нужна операция в Германии, чтобы вернуть зрение?

– Да.

– У тебя есть эти деньги, чтобы оплатить лечение?

– Нет, конечно. Откуда.

– Что сказал доктор на комиссии? Еще год-полтора, потом поздно будет делать операцию, так?.. Тебе люди оплачивают лечение – что, не поняла?

– Но там же условие! Почему? Я этого человека не знаю, сам он не появился, кого-то прислал. Скрывается. Почему? Разве так замуж выходят?

– Так. Ты, вообще, представляешь, что такое богатый человек такого уровня?

Людмила Петровна придвинулась ближе к Насте.

– Да, к нему вообще не пробиться... Он сам не появляется нигде так просто. Вместо него ездят помощники, юристы, там их десятки. И вот, такой человек, предлагает тебе стать его женой. Да, миллионы девчонок-красавиц мечтают выйти за олигархов, не получается.

– Но я совсем не мечтала об этом. И потом. Если он хочет сделать добро, Бог ему вернет за его доброту, но зачем ставить условие?

– Ну, влюбился он в тебя. – она понизила голос, – неужели не понятно? Тебе принц явился на белом коне, девочка, просто «Алые паруса» какие-то, а ты носом крутишь. Настя! Опомнись! У тебя есть шанс вернуть зрение. Реальный шанс. Это главное!

– Но вы-то сами. Людмила Петровна. Вы видели его? Скажите хоть что-нибудь. Какой он?

– А вот это – нет. Я слово дала ему. Ты же знаешь, я слово свое держу. Ну, хочет он, чтобы был сюрприз. – она немного замялась, но затем решительно продолжила. – Ну, так что? Давай. Решайся. Тянуть с ответом больше нельзя.

– Можно еще немножко подумать?

– Еще?! Боже мой, я тут с вами с ума сойду. Что тебя пугает? Объясни! Когда-то все равно замуж надо выходить, а тут.

– Матушка Серафима говорит, что он покупает меня как вещь, для своего удовольствия. Что по истине он должен был бы отказаться от своего условия и совершить поступок бескорыстно.

– Да ну?! Должен? Кому он чего должен?!

– Да. и подождать, когда я стану видеть. И только тогда, когда узнаем друг друга, выходить замуж. По благословию, церковным браком.

– Ну, просто проповедь какая-то. Ты знаешь, я в церковь тоже хожу, иногда, но скажу так – лучше будет, если матушка Серафима станет командовать у себя в монастыре, а нашу жизнь, нормальных грешных людей, оставит в покое.

– Зачем вы так.

– Затем! – вспыхнула Людмила Петровна. – Тебе что, теперь всю жизнь незрячей оставаться? Слепой? Так она считает? Чего Бог дал, то человек пусть не разрушает, как она любит говорить? Так что ли?

Настя молчит, затем говорит тихо:

– Я хотела этой осенью идти послушницей в монастырь...

– Чего? Это в твои-то восемнадцать лет? Когда жизни не знаешь, ничего, замуровать себя в четырех стенах? Настя, с ума сошла, что ли?

Людмила Петровна уже криком:

– Опомнись! В конце концов, если тебе дают такой шанс, то это тоже судьба. Тоже от Бога. Может это тебе чудо дается, а ты его отвергаешь. А это грех!

– Думаете?

– Уверена!

Людмила Петровна прижимает Настю к себе.

– Все, все будет чудесно! Вот увидишь! Я это чувствую. Ну? Успокойся, поверь мне. Не делай глупостей, девочка. Упустишь такой шанс – всю жизнь будешь жалеть.

СЦЕНА 6. ИНТЕРНАТ. КОРИДОР. ДЕНЬ.

Настя поднимается по лестнице, дотрагиваясь пальцем до стены, контролируя пространство. На площадке ее догоняет Аня.

Она дергает Настю за рукав.

– Это я, – раздается голос Ани. – Ждала тебя. Ну, что Людмила?

– Время дала еще, до утра.

СЦЕНА 8. УЛИЦЫ БЕЛОДОНСКА. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Настя шла по шумным улицам города, постукивая палочкой вдоль края тротуара. Доносились голоса, звуки машин. Дорогу, похоже, она хорошо знала, поэтому шла уверенно, не останавливаясь.

Настя прошла вдоль стены, нащупала рукой большую дверь. Видна надпись: «Городская библиотека для слабовидящих и слепых».

СЦЕНА 9. БИБЛИОТЕКА. ДЕНЬ.

Настя уверенно идет по коридору библиотеки, похоже, она здесь часто бывает. На полках вдоль стены видны были книги со шрифтом Брайля.

Настя подходит к стойке библиотекаря.

– Ой, Настенька... Здравствуй. Хорошо, что пришла, – говорит женщина-библиотекарь, Валентина Андреевна. – Привезли много новых книг. Вон список – рядом с тобой. Почитай.

Настя нащупывает список, начинает быстро двигать по строчкам шрифта пальцем.

– Я тебе, кстати, отложила тут кое-что. – доверительно сообщает Валентина Андреевна. – Вот. «Великие романы двадцатого века». Читает Герасимов. Двенадцать часов звучания, не много. Будешь слушать?

– Вообще-то, я хотела. Алые паруса, еще раз.

– Ты же недавно слушала их.

– Ну да. Но я бы еще раз. хотела.

– Хорошо. Бери наушники, садись. Сейчас принесу кассеты.

– Спасибо.

– Да. подожди. Вот возьми бутерброд.

– Нет-нет спасибо, я не голодная.

– Возьми. Знаю я, как вас там кормят в интернате. Всегда голодная ходишь.

– Спасибо.

Настя берет бутерброд, идет к столам, садится за один из них.

СЦЕНА 10. ДВОР ИНТЕРНАТА. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Настя вошла во двор, направилась, было ко входу в интернат, но остановилась, раздумывая о чем-то, затем повернула в сторону и пошла к монастырю, нащупав поребрик и стараясь идти вдоль него.

СЦЕНА 11. МОНАСТЫРЬ. КЕЛЬЯ НАСТОЯТЕЛЬНИЦЫ И КОРИДОР. ДЕНЬ.

Настя хорошо знала коридоры монастыря, приходила не раз, поэтому уверенно подошла к двери кельи матушки Серафимы. Остановилась, перевела дыхание, осенила себя крестным знаменем, только потом постучала. Прочла молитву на пороге, не открывая дверь, как и положено:

– Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас.

– Аминь, – раздался голос в ответ. – Входи.

Настя вошла. Подошла под благословение.

– Садись сюда... Сестры, вот, печенье напекли сегодня, угощайся.

Настя подошла к столу, нащупала стул, села.

– Была на исповеди сегодня?

– Да. Причастилась.

– Поздравляю тебя. Бери печенки-то, вот они. А я на поздней литургии сегодня была, что-то нездоровится мне.

Серафима подвинула тарелочку ближе к Насте. Молчали.

– Решила что-то? – наконец спросила Серафима о главном.

– Еще нет. Мне время директриса наша дала до утра. Я просила.

– Значит, похоже, что уже решила. Только боишься признаться себе в этом.

Настя помолчала, затем тихо сказала:

– Не знаю. Может быть. Наверное.

– Все, что я могла тебе сказать, Настя, я сказала. Я тоже грешный человек, могу и ошибаться. Тебе решать. Я только тебе тогда расскажу кое-что. Не хотела я тебе рассказывать этого, видит Бог. Ну, да видно придется. Десять лет назад, может ты и не помнишь, приезжала к нам в монастырь, только открылись мы, на освящение, Пелагея Сибирская, провидица. Вот стоим мы с ней в храме, а она вдруг мне и говорит: «Что ж, Серафима, большая власть у тебя будет над сестрами на долгие годы, а только думать все ж уже сразу надо, кому передашь ее, кого воспитаешь». Я говорю ей, ты что, Пелагея, вроде как рано мне еще думать о замене. «Да, нет, говорит, вон она уже стоит, твоя замена, причащается. Вот она и будет настоятельницей после тебя. А еще много чудес совершит и монастырь прославит, со всей страны приезжать к ней будут паломники, будет и целительница, и провидица, куда мне до нее». Я говорю ей, да,

девочка эта. незрячая она. Думаю, может, не разглядела Пелагея. «Вижу я, что незрячая,» – отвечает она, – «да только видеть она будет так, как мало кому дано, внутренним взором. Вон он, росточек славы Божией стоит, храни ее Господь.»

Серафима замолчала, задумалась:

– Так и сказала, росточек. Было тебе тогда восемь лет. Вот и все, Настя. Теперь знаешь. Я потом много думала об этом. А ведь правда, особую судьбу тебе Господь дал... Росла при монастыре, в целомудрии и в девстве. вдали от мира.

В восемнадцать лет, по зрелости, решила идти в монастырь послушницей, а там, глядишь, вскорости и постриглась бы в монахини, стала бы невестой Христовой.

И вот, смотри, как решила ты это, так тут же, сразу, считай на следующий день, появляется соблазн, да еще какой. Зрение, богатство немислимое, все удовольствия мира. только в монастырь не ходи. Не странно ли?

– Почему же это соблазн?! – вдруг резко возразила Настя. – Может чудо мне дает Господь, исцеление. А разве человек этот не может просто полюбить? Брак тоже освящается Церковью.

– О, как ты заговорила. Да, – вздохнула Серафима. – Видно уже решила ты все. Тогда что говорить, бесполезно.

– Я не хочу больше быть калекой, слепой! Не хочу! Можно Бога прославлять и зрячими глазами.

– Можно. Но тебе дали другой путь, такой, как Матроне Московской, святой, праведной и блаженной.

– У нее был свой путь, у меня будет свой.

– Будет свой, – грустно повторила Серафима. – Ну что ж, иди с миром. Благословлять тебя на твое решение я не буду, не лежит душа, а на дорогу благословлю. Молиться о тебе буду усердно, и я, и сестры. Это обещаю. Ну, храни тебя Господь.

СЦЕНА 12. ИНТЕРНАТ. ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ВОСПИТАНИЦ. СОВМ.С КОМБ. НОЧЬ. ОСЕНЬ.

Настя сидит у окна, о чем-то думает. К ней подходит Аня.

– Ну что ты опять не спишь? – шепчет она. – Ведь уже все решила, так? Что опять такое?

Настя помолчала, потом дотронулась до руки подруги:

– Ты знаешь, мне кажется, я знаю, кто этот человек.

– Как?!

– Ты помнишь, в прошлом году, когда пел сводный хор. ну, когда студенты приходили. Я помню, рядом со мной в хоре парень стоял, смешной такой. Он вдруг взял почему-то мою руку и приложил к своему лицу. Может, чтоб познакомиться, может. не знаю. Лицо его я запомнила, просто увидела даже.

СЦЕНА 12-А. МОНАСТЫРЬ. ЦЕРКОВЬ. ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ РЕПЕТИЦИЙ ХОРА. ДЕНЬ.

Руководительница хора, строго одетая женщина, перекладывает на пульте ноты.

Чуть поодаль, перед ней уже стоит, выстроившись хор: девочки интерната и несколько ребят, приглашенных для партий мужских голосов.

– Так, новенькие... – командует Руководительница, – пожалуйста, станьте все во второй ряд между девочками. Тихо, ребята, тихо.

Рядом с Настей становится молодой парень.

– Скажи, – обращается он к Насте, чуть повернувшись, – у вас обычно эти репетиции долго? А то мне надо в три уходить.

– Не знаю. часа два, наверно.

Парень теперь замечает, что рядом с ним совершенно слепая девушка.

Он берет ее руку и проводит ею по своему лицу.

– Я Андрей, – тихо говорит он.

Настя не успевает ответить – раздается строгий окрик Руководительницы:

– Приготовились! Тихо.

На мгновение еще раз беззвучно возникает лицо юноши. Ладонь Насти скользит по его лицу.

СЦЕНА 12. (ПРОД.) ИНТЕРНАТ. ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ВОСПИТАННИЦ. СОВМ.С КОМБ. НОЧЬ.

– Я голос тоже запомнила. Такой непривычный тембр, мягкий. – продолжает Настя.

– Ты думаешь, это он?

– А кому еще быть?

Настя замолчала, задумалась и вдруг спросила:

– Аня, может правда, это судьба?

СЦЕНА 13. ИНТЕРНАТ. КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА И КОРИДОР. УТРО.

Настя быстро и решительно идет по коридору, входит в приемную и, не останавливаясь, сразу направляется к двери кабинета:

– Ты куда, Игнатьева?! Людмила Петровна занята! – удивленно восклицает секретарь.

– Мне срочно, – Настя решительно открывает дверь и почти сразу говорит, с порога: – Я решила, Людмила Петровна! Я согласна!

СЦЕНА 14. КАБИНА МАШИНЫ. СОВМ. С КОМБ. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

В машине негромко играет музыка, приятный джаз. Настя сидит у окна лимузина. Рядом с ней сидит Марина, личный секретарь Острового. Его «правая рука», средних лет, довольно симпатичная и очень активная женщина.

– Что там? – спрашивает Настя, дотрагиваясь рукой до окна.

– Дома... Улица... Теперь шоссе в аэропорт, – отвечает Марина. – Ты, кстати, Настя, можешь меня называть просто Марина, без отчества. Я помощница и секретарь у Михаила Александровича.

– Да, кстати, Настя, – продолжает она, – я твой брачный договор пока оставлю у себя, если ты не против. Как только Михаил Александрович подпишет, сразу верну. Хорошо?

– Ну, да, конечно.

– Ну, вот, почти приехали уже, – говорит Марина. – Скоро аэропорт. Мы сегодня летим в личном самолете Михаила Александровича.

СЦЕНА 16. САЛОН САМОЛЕТА. ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

– Садись сюда, пристегнись, – Марина помогает Насте устроиться в кресле.

Гудят двигатели, самолет вырывается на полосу. Шуршат вентиляторы, обдувая лица Насти и Марины. Они сидят рядом.

– Мы уже летим? – спрашивает Настя.

– Нет, что ты. Я тебе скажу, когда.

Двигатели начинают гудеть активнее, набирая обороты.

– Вот сейчас мы взлетаем, чувствуешь? – говорит Марина.

– Да, да, чувствую. Мы летим?

– Летим. Вот уже как высоко, облака красивые.

Насте кажется, что она летит, схватившись за руку Марины, ветер обдувает их лица.

– Хорошо? – спрашивает Марина.

– Очень... Ведь так птицы летают?

– Что? Ну, да, птицы, конечно. Смешная какая ты.

СЦЕНА 17. АЭРОПОРТ. БЕЛОДОНСК. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

С земли видно, как самолет, мигая огнями, поднимается все выше и выше в облака. Отблески сигнальных огней еще какое-то время мерцают, затем пропадают.

СЦЕНА 18. ПАЛАТА КЛИНИКИ В ГЕРМАНИИ. ДЕНЬ. ОСЕНЬ. СОВМ. С КОМБ. ИНТ.

Темный коридор, очень длинный, похожий на трубу или туннель, в самом конце которого появляется точка света. Она начинает медленно приближаться. Чем ближе к свету, тем яснее становятся слышны голоса на незнакомом Насте немецком языке. Цветовое пятно становится все шире и шире, наконец, оно полностью заполняет собой все пространство. И через эту светящуюся пелену начинает проступать большая белая комната – палата клиники, окно, залитое ярким солнечным светом. Вокруг стоят врачи, улыбаются, что-то говорят по-немецки, обращаясь к Насте.

– Вы хорошо видите меня? – спрашивает доктор по-немецки. Медсестра тут же переводит на русский его вопрос.

– Да. – тихо выдыхает Настя, продолжая изумленно оглядывать всех, стоящих вокруг нее.

Медсестра помогает Насте встать с кресла. Настя идет, опирается на руку медсестры к окну, замирает у окна и словно сама растворяется в бесконечном свете, сиянии дня. Медсестра подводит ее к стене, там висит зеркало, Настя впервые видит свое лицо.

– Это ваше лицо, – говорит доктор по-немецки. Кто-то переводит эту фразу на русский язык.

Настя долго смотрит на отражение, затем резко опускается на колени и начинает шептать благодарственные молитвы, осеняя себя крестным знаменем.

Врачи и медсестры растроганно переглядываются.

Когда Настя поднимается, одна из медсестер, говорящая по-русски, берет ее под руку.

– Идемте, – говорит она, – на сегодня хватит. Сейчас пойдем в процедурную, а через три дня вы уже сможете выписаться, – и добавляет, понизив голос, – доктор сказал, что все очень хорошо. Поздравляю вас.

СЦЕНА 19. УЛИЦЫ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Машина движется по нарядным улицам, залитым светом. Настя, прижавшись к стеклу, не отрываясь, смотрит на этот новый солнечный мир.

– Все иначе... Я представляла себе мир совсем не так, – шепчет Настя.

– А как? – улыбается Марина

– Не знаю, как сказать. Иначе.

СЦЕНА 20. ПЛОЩАДЬ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Машина останавливается на площади у фонтанов. Настя выходит из машины. Словно движущиеся световые пятна, играют струи воды в большом фонтане на площади. Настя стоит, заморожено изучая эту игру света. Она прикладывает ладонь к поверхности воды, будто желая ее погладить. Все вокруг играет светом: блики на воде, струи фонтана.

Чуть поодаль, возле машины стоит Марина, курит, разговаривает с кем-то по телефону, поглядывает на Настю.

СЦЕНА 21. КАФЕ НА ПЛОЩАДИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА. ДЕНЬ. ЭКС.-ИНТ. ОСЕНЬ.

Марина и Настя сидят в открытом кафе на площади. Теплый осенний солнечный день. Насте приносят мороженное. Марина пьет кофе.

– Странно, – улыбается Настя, продолжая разговор. – Я закрываю глаза – и сразу снова в том мире, прежнем. Открываю – уже в этом.

– А какой он, тот мир? Я все-таки не понимаю. Темный? Все в темноте?

– Не совсем. Вот сама темнота, слово это, или слово свет. Я представляла, как сущность. как. Объяснить трудно. Все как бы изнутри. все предметы, хотя я знала форму их, названия. Вот даже солнце. Я ощущала отдельные лучи, думала так и есть. – Настя помолчала, задумалась, будто вспоминая что-то. – Я Бога чувствовала... все время, рядом... Правда. Будто он вот тут, у плеча. А теперь нет. Тут я одна, в этом мире.

– Почему одна? Тут я и Михаил Александрович. И вообще. Жизнь вокруг, какая красивая, разве не так? Ну, веселей, Настя! Все замечательно у тебя складывается, такой день. такие события.

– Да, конечно, – виновато улыбнулась Настя.

Раздается сигнал телефона. Марина смотрит на экран.

– А вот, Михаил Александрович эсэмэску прислал. Он уже прилетел. Ждет нас через час в отеле.

СЦЕНА 22. ГОСТИНИЦА В ГЕРМАНИИ. ВХОД. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

К главному входу пятизвездочного отеля подъезжает такси. Из него выходят Марина и Настя и идут ко входу.

СЦЕНА 23. ГОСТИНИЦА В ГЕРМАНИИ. ХОЛЛ. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Настя удивленно и растерянно осматривает дорогие интерьеры, нарядных людей, стоящих возле ресепшн, пересекающих холл, сидящих в креслах. Никто из них не обращает внимание на вошедших.

– Подожди здесь, – говорит Марина, достает телефон и отходит в сторону. – Мы уже приехали, – негромко говорит она в трубку. – Что, что? А где эта галерея? Хорошо. Сейчас будем.

Марина отключает телефон и возвращается к Насте. Улыбается.

– Волнуешься?

Настя кивает.

– Немного. Вообще всё как во сне сегодня.

СЦЕНА 24. ГАЛЕРЕЯ ОТЕЛЯ В ГЕРМАНИИ. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Галерея вела ко входу в ресторан. Она была пуста. Вдоль стен стояли цветы, какие-то диковинные растения, висели картины. В полутьме длинного коридора, в конце его четко выделялся небольшой зал ресторана, но столики все были убраны. Единственный стол, изысканно сервированный, находился в самом центре зала. У стола стояли два стула, похоже, старинной работы, с высокими спинками, словно троны. Вокруг стола, очерчивая его, стояли цветы. Чуть поодаль замерли, не шевелясь, две шеренги официантов. У стены стояли пульты с нотами для музыкантов, но их еще не было.

У стола, но чуть отодвинувшись от него, спиной к Насте сидел грузный мужчина. За его спиной стоял немолодой Китаец и очень плавно массировал ему виски своими длинными пальцами. Заслышав шаги в гулком коридоре галереи, сидящий не обернулся. Он также продолжал сидеть, то ли глядя куда-то перед собой, то ли закрыв глаза.

– Ну, иди же, – тихо шепнула Марина и чуть подтолкнула Настю вперед, – иди к нему.

Настя шагнула вперед, но чуть замялась, не решаясь идти дальше, не понимая, что происходит.

– Ладно, пойдем вместе, – тихо сказала Марина и взяла Настю под локоть.

Как только они вошли в галерею, несколько молодых людей в черных костюмах подошли к проходу и повесили табличку «CLOSED». Один из охранников тихо сказал в переговорник: – Я закрываю вход, они прошли.

СЦЕНА 25. РЕСТОРАН ОТЕЛЯ В ГЕРМАНИИ. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Настя и Марина пересекли зал и подошли к столу. Теперь Настя увидела лицо сидящего человека. Это был крупный высокий мужчина лет пятидесяти, очень коротко стриженный, с четко очерченным царственным профилем. Его глаза все также были закрыты. Похоже, он спал. Китаец продолжал свои странные манипуляции. Замерев, словно каменные, продолжали стоять официанты. Впрочем, Марину все происходящее, похоже, ничуть не смутило. Она очень тихо ступая, подвела Настю к столу.

– Садись, – шепнула она. – Сейчас они закончат...

Тут же один из официантов бесшумно пододвинул стул, помогая Насте сесть. Марина чуть махнула рукой и также неслышно ушла.

Между тем в полном молчании продолжалась странная процедура. Наконец, китаец медленно отвел свои руки, подождал немного, затем вышел неслышно из зала.

Островой продолжал сидеть с закрытыми глазами, казалось, он действительно спал. Слышно было его ровное дыхание.

Неожиданно он открыл глаза. Посмотрел вокруг. Станным показался Насте его взгляд, словно он с трудом узнавал и осознал все происходящее рядом. Он снова закрыл глаза, затем резко выдохнул, как бывает, когда человек окончательно просыпается после долгого сна.

– Извини, – улыбнулся он Насте, – что-то голова сегодня... Бывает у меня.

Он внимательно посмотрел на Настю, чему-то улыбнулся. Казалось, он что-то высматривает в ее лице.

Настя тоже неловко и растерянно улыбнулась в ответ, но, не выдержав его взгляда, отвела глаза.

– Ну, что ж. – наконец произнес он. – Можно сказать – познакомились.

Михаил Александрович повернулся к официантам, сделав жест рукой, дескать, чего стоим?

Официанты тут же начали неслышно двигаться вокруг них, исполняя свой торжественный ритуал.

– Я тут, знаешь, пока ждал тебя. – продолжил он, – долго думал, никак не мог решить – какие должны быть мои первые слова к тебе. Это же очень важно, первые слова. я так считаю. Я уж решил даже, не сказать ли, – он усмехнулся, задумался, – хотя это тоже неважно. В общем, ничего я так и не придумал. Поэтому скажу по – простому. За тебя, – он поднял свой бокал. – За твою коронацию.

– Коронацию? – недоуменно переспросила Настя.

– Конечно. Ну. смотри. Если я царь, а я царь в этом мире. Возможно, один из многих, конечно, но все-таки. Итак, если я царь, то ты будешь кто? Ты будешь царица. Правильно? А если ты царица, то значит сейчас что? Твоя коронация. Все просто. Считалочку знаешь?.. На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич. Сейчас на тебя выпало. – Михаил Александрович посмотрел внимательно на Настю, – За тебя. За этот великий день. в твоей жизни. В нашей жизни.

Он помолчал, задумался надолго, продолжая держать бокал в руке.

Настя отпила глоток, отвела глаза от его взгляда.

– Как странно это звучит. – тихо заметила она, – царь, коронация.

– Странно? Да нет. Почему?.. У меня есть владения, есть придворные, даже рабы. Чем не царь? Так мир устроен. Так было всегда. Ничего не меняется. Тоже считалочка, своего рода...

Власть – деньги, деньги – власть... – он сделал пальцем движение, словно имитируя маятник. – Но деньги сейчас, пожалуй, даже важнее. Потому что власть можно купить. Как это по-латыни звучит? Деньги решают всё. не помню. Где-то читал.

– Но вы ведь и сами чувствуете сердцем, что это неправильно, когда так. – вдруг робко заметила Настя.

– Как так? Ты про что?

– Что деньги решают всё. Так ведь не должно быть. По истине.

– По истине? – Михаил Александрович даже откинулся назад, всматриваясь в лицо Насти, словно проверяя, разыгрывает она его или нет.

– Это ты хорошо сказала, по истине. Значит, так не должно быть?

– Не должно.

Он снова улыбнулся, затем посерьёзnel:

– Так ведь мир так устроен, девочка ты моя.

– Значит, неправильно устроен. Не можете служить Богу и Мамоне, ведь так сказано.

– Это правда. Потому все и служат Мамоне, а не Богу. А вот насчет мира, – он задумался. – Правильно или неправильно. Интересный вопрос. Я тебе скажу так. Мир наш – это, честно говоря, поганое местечко. Весьма поганое. Но если уж мы тут оказались. То лучше быть царем. Не так ли? А не кем-то там.

Он поднял бокал.

– Вот за это давай и выпьем. А хочешь я тебе расскажу, как проходила моя коронация? Это, скажу я тебе. – он усмехнулся. Посмотрел на Настю, словно решая, стоит ли ей говорить об этом, потом заметил: – Хотя, не буду. А то еще испугаешься. – Он снова усмехнулся. – Тут приезжал ко мне писатель один, модный, из Швейцарии. Книгу он пишет про новых русских. Хотел, чтоб я ему рассказал свою историю восхождения на Олимп, так это у него называется в книге. Ну, я ему рассказал. пару эпизодов. восхождения этого. Во всех красках. – Михаил Александрович засмеялся. – Так ему плохо с сердцем стало. Правда. Врача вызывали. Слабенькие они в Европе, что говорить. Да. Что русскому бизнес, то немцу смерть. Вот уж точно... Ладно, не о том... Ты вот что, запомни одну очень важную вещь. Есть у меня такая особенность. Не очень приятная для других. В общем. Я всегда говорю то, что думаю на самом деле. На самом! До последней степени. правды. До дна. Вот я так делаю. А такая правда вызывает у всех чувство шока. Потому как, никто этого не делает. Боятся, стыдятся. хитрят. А я никого не боюсь, и ничего. И мне не важно, нравится это кому-то, или нет. Пусть привыкают. Хотя понимаю. Это трудно бывает вынести. У меня, кстати, было три жены. Да. И все три говорили мне, что со мной невозможно общаться. – Он усмехнулся, – однако общались. Что еще сказать о себе?... Детей нет. То есть они есть, конечно, но можно считать, что нет. Как говорил мой дедушка в таких случаях – разве это дети?... Ну, что ж, поговорили обо мне, теперь давай о тебе.

– Обо мне? Вы же все знаете, – удивилась Настя.

– Все? Что ты. О человеке невозможно знать все. Всего не знает никто, даже Бог. Разве не так? Так. Сама знаешь, что так.

Настя о чем-то задумалась надолго, затем поставила бокал и подняла глаза на Михаила Александровича:

– Скажите. Почему я?... Ну, почему вы выбрали меня? Ведь мы даже не были знакомы. Вы не видели меня никогда раньше. Не говорили со мной. И вдруг.

– Вдруг. Да, это было вдруг. – он помолчал. – Вдруг. Если честно. Месяц назад я приехал в ваш город, по бизнесу. Наметился выгодный контракт. Все зависело от губернатора вашего. А он у вас, как оказалось, сильно православный. Ну, и Марина Львовна всё просчитала. Это она умеет. Организовала благотворительный взнос в монастырь ваш, потому как там мероприятие намечалось с губернатором.

После него, как обычно, приём губернаторский. Лучшего места для знакомства не придумаешь. А я, честно говоря, вообще первый раз в церкви был. Не люблю я все эти спектакли с попами. А тут, что делать, пришлось пойти. Да. Научили меня как лоб крестить – и вперед.

Михаил Александрович усмехнулся.

– Ну вот. А стоял я, значит, впереди, где все начальство. Рядом – эта сцена, где хор поет.

– Амвон, – тихо сказала Настя.

– Что?

– Амвон, – повторила она.

– Ну, значит амвон. От скуки начал я хор разглядывать, смотрю – хор какой-то странный, все девчушки в очках, слабовидящие, а одна девочка – слепая совсем... Солистка... Да... Близко так она была от меня. Смотрю – шейка тонкая, с синими прожилками. Наверное, болеет часто. Голосок чистый такой. Хороший голосок. Вот уж точно – ангел. Если такие есть, конечно. Я так и подумал – ангел.

Михаил Александрович задумался, помолчал.

– Вообще-то, я совсем не сентиментальный. Ничего такого. Но тут. Если совсем честно. Что-то как. схватило меня, что ли. чувствую, щека дергается. в горле что-то. Черте что, одним словом. Вышел я на улицу, походил минут двадцать. Отдышался. Ничего понять не могу. В жизни такого со мной не было. Ангел этот все перед глазами стоит. Стоит и стоит. Не уходит. Прямо близко так, рядом. И вроде как смотрит он на меня. Чувствую, что смотрит. А глаза слепые. Слепыми глазами смотрит. Да. А на следующий день. ну, дальше ты знаешь. Ладно, хватит об этом.

К столику подошел седовласый господин, замер почтительно, на расстоянии, но явно с желанием что-то сообщить. Островой заметил его и чуть кивнул.

– Прошу прощения. Музыканты уже приехали, господин Островой. Можно начинать? (нем.)

– Да, конечно. Спасибо. (нем.)

Повернувшись к Насте, добавил:

– У меня тут небольшой сюрприз для тебя, ты ведь любишь музыку?

Настя кивнула.

Между тем стали появляться музыканты оркестра – рассаживались за пульта, негромко проверяли строй.

– Между прочим, певица эта, как мне сказали, – шепчет Михаил Александрович. – лучшая в мире. Она в театре этом поет, который в Милане. Знаешь, есть такой? Ну. вот. А сейчас будет петь для тебя. Персонально. Вот так.

Михаил Александрович встал, стараясь не шуметь, наклонился к Насте.

– Ты слушай, а я пока пойду... позвоню, – тихо сказал он и направился к выходу из зала. – Я такую музыку не очень люблю.

СЦЕНА 26. НОМЕР ОТЕЛЯ В ГЕРМАНИИ. НОЧЬ. ОСЕНЬ.

Настя сидит на краешке постели в спальне большого многокомнатного номера. На ней скромная ночная рубашка, похоже, казенная, еще из интерната. Сидит тихо, чуть сжавшись, чутко реагируя на звуки из соседних комнат. В спальне полутемно.

Раздается скрип двери. В спальню входит Михаил Александрович, он в халате, подходит к ней, садится рядом. Долго смотрит на нее, затем нежно гладит её по щеке.

– Давай вначале поговорим, хорошо? – тихо говорит он, поглаживая ее по щеке.

Настя кивает.

– Ты только честно отвечай мне. и не стесняйся.

Настя снова кивает.

– Ты знаешь, как это происходит? Что такое секс, возбуждение?

Настя пожимает плечами, затем выдыхает чуть слышно:

– Девочки говорили. немного. я слышала.

– Тебя трогал кто-нибудь?.. А вы с девочками. трогали друг друга?

– Нет, что вы. – испуганно шепчет Настя.

– Опять ты мне на «вы». Договорились же.

– Я не могу, не получается. Извините.

– Ну, хорошо. На «вы» – так на «вы», даже интереснее. – он помолчал. – Скажи, ты как-то представляла себе. это? Каждый человек чувствует, что для него самое важное в сексе. У всех по-разному. А что тебе хочется, ты представляешь?

Настя вначале пожимает плечами, затем подумав, робко кивает.

– Ну, так расскажи мне, или покажи. Я теперь это должен знать.

– Это. кончиками пальцев, – тихо говорит она.

– Как это? Покажи.

Настя поворачивается к Михаилу Александровичу, закрывает глаза и начинает кончиками пальцев ощупывать его лицо, словно изучая его через прикосновение.

– И все? – удивленно спрашивает он.

– Все...

Михаил Александрович усмехнулся, помолчал, погладил ее снова по щеке.

– Вот, встань. Не бойся.

Настя встала.

– Сними рубашку.

Настя послушно снимает. Стоит, опустив глаза, прикрываясь руками.

Михаил Александрович осторожно и нежно отводит ее руки, обнажая ее.

– Ну что ты дрожишь? Не бойся, говорю.

Михаил Александрович придвинул ее к себе, начал поглаживать ее вдоль бедер.

– Тебе приятно ведь так?

– Не знаю.

– А вот так. не бойся. Приятно? – он начал гладить ее ноги.

– Наверное.

– А знаешь, что самое главное в сексе для меня? Игра.

– Какая игра? – удивилась Настя.

– Эротическая игра, возбуждающие ситуации. одежда, например. Будешь со мной играть?

– Как?

– Ну, так, как я попрошу., будешь? – почти шепотом говорит Михаил Александрович.

– Если так надо, я научусь, – тихо отвечает Настя.

– Надо, девочка, надо, обязательно надо. Не сжимай ноги, не бойся. Так всё и должно быть. И это хорошо, что ты дрожишь. Значит, боишься зверя в себе. Значит он сильный. Это хорошо.

– Какой зверь? – чуть выдохнула испуганно Настя.

– Зверь. В тебе зверь есть. В каждом из нас. Но он еще в клетке у тебя.

– Ой, – вдруг вскрикнула она.

– Ну-ну. Не бойся. Вот так. Приятно же. да?

– Да. Да. Ой!

– Я уже чувствую, что тебе приятно. Ну, что ты так дрожишь

– Страшно очень... Не знаю... Не надо так...

– Надо, надо. Страшно, потому что страсть, похоть. Это зверь. И ты сейчас сама откроешь ему клетку. Он уже рвется наружу. Чувствуешь? Выпусти его! Сама, – возвысил он голос. – Сама! Сама!

- Ой, не надо. Я не могу. Ой, ой! – вдруг застонала она, вцепившись в его плечо.
- Можешь, можешь. И хочешь! Хочешь! – уже громко говорил он.
- Да. да. – срывающимся шепотом выдохнула она. – Да!

Он вдруг бросил ее на кровать, слышен был в темноте только его рык, хриплое дыхание, словно и вправду это был огромный сильный зверь, схвативший свою добычу, какую-то мелкую живность, и она билась под ним, обреченно вскрикивая дурным, срывающимся голосом, от ужаса близкой и неизбежной гибели.

Вдруг всё стихло и совсем рядом, близко от себя, она увидела его закатившееся полу-безумные глаза, скошенный судорогой рот и слюну, стекающую по подбородку. Глаза его медленно вернулись в свои орбиты, и он посмотрел на нее в упор, зрачки в зрачки. Ей показалось, что она упала в темноту.

СЦЕНА 27. НОМЕР ОТЕЛЯ В ГЕРМАНИИ. УТРО. ОСЕНЬ.

В гостиной светло. Михаил Александрович выходит из душа, подходит к бару, наливает себе в стакан воды, принимает какую-то таблетку.

- Настя, вставай! Пора идти завтракать.

Неожиданно он настораживается. Из спальни, сквозь неплотно прикрытую дверь доносятся глухие всхлипывания.

Михаил Александрович направляется туда.

СЦЕНА 28. НОМЕР ОТЕЛЯ В ГЕРМАНИИ. УТРО. ОСЕНЬ.

Настя сидит у столика трюмо, перед ней открытый молитвослов, стоит иконка.

– Что такое? – Михаил Александрович подходит к ней, берет ее за плечо, но она отворачивается.

- Да что с тобой? Что случилось? – теряет терпение Михаил Александрович.

– Плохо мне. Не знаю. Нехорошо как-то. на душе.

– Что нехорошо?

– Будто я занималась... чем-то плохим ночью... стыдным...

– Это же секс. Просто секс. Все этим занимаются. Что тут такого?

– Но я же чувствую, что стыдно так. Душа чувствует. Она не может ошибаться.

Михаил Александрович долго молчит, словно думая, что ответить Насте на это странное признание.

- Пошли завтракать, – наконец говорит он тихо и сухо.

СЦЕНА 29. РЕСТОРАН ОТЕЛЯ В ГЕРМАНИИ. УТРО. ОСЕНЬ.

Михаил Александрович и Настя завтракают в ресторане отеля.

– Да, вот что, по поводу наших планов, – он чуть понизил голос. – Сегодня, после обеда летим в Россию, на Север, в мои владения. Освоишься там. А дней через десять сыграем две свадьбы. Одну в Белодонске, другую в Москве. Я думаю, это будет правильно.

– Две свадьбы? – опешила Настя. – Зачем это?

– Ну, в Белодонске, потому что ты оттуда. Там про тебя, небось, легенды уже рассказывают. Как же, Золушка из Белодонска! А в Москве – ну, это обязательно. Бомонд, фейерверк, звезды мировой эстрады, чиновники всякие. Конечно, дворец, увитый живыми цветами, как же без этого, желательны еще фонтаны, с вином или шампанским.

– Вы шутите? Зачем все это?

– Затем. Народ жаждет этого зрелища. И он его должен получить. Потому что, благодаря этому цирку, он знает, кто его царь. А это важно.

Марина решительно входит в ресторан, оглядывает помещение, замечает Михаила Александровича и Настю, направляется к их столику:

– Доброе утро, – улыбается она. – Отчитываюсь. Пилоты наши готовы, маршрутная документация получена. Машина в аэропорт заказана.

– Хорошо.

– Я вот что подумала, Михаил Александрович, до отъезда есть время, может мы всё-таки съездим с Настей по магазинам? Тут в центре отличные бутики, я знаю.

– Ну как, Настя? – она посмотрела на свою юную хозяйку.

– Не знаю... Зачем? У меня все есть...

– Всё есть, – повторил Михаил Александрович, усмехнувшись. – Моя жена, Настенька, – он склонился к Насте, понизив голос, – должна выглядеть так, чтоб все понимали – чья это жена. Как говорил один мой приятель – «в ухе чтоб по миллиону, и на шее еще два». Таковы правила, – и к Марине. – Да, кстати, забыл тебе сказать, Марина, по поводу багажа.

Он отвел ее в сторону.

– Поедете и купите всё по первому классу с головы до ног. Марина, поняла? С головы до ног, – прошептал он. – Буквально. Не захочет – заставишь, убедишь.

– Будет исполнено.

СЦЕНА 30. ГОСТИНИЦА В ГЕРМАНИИ. ХОЛЛ. (ЛОББИ) ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Михаил Александрович раздраженно вышагивает по холлу, набирая постоянно чей-то номер. За ним неотступно следует портье с тележкой для багажа, с двумя чемоданами на ней.

– Марина, ну, вы где? – выговаривает Островой помощнице. – Я же просил не опаздывать. Так и в аэропорт опоздаем. тоже мне.

Михаил Александрович хочет добавить что-то еще, но осекается.

В холл входят Настя и Марина, за ними тащатся двое каких-то служащих с большим количеством пакетов. Настя смущенно подходит ближе. Теперь видно, что она удивительно преобразилась, превратившись в очаровательную молодую девушку, словно с обложки журнала. Взгляды стоящих вокруг людей невольно обращаются на нее.

– Ну, вот! – гордо говорит Марина. – Как обещала, с головы до ног.

Михаил Александрович ошеломленно и восхищенно молчит, затем говорит, непонятно к кому обращаясь:

– Ну?! Какую принцессу отхватил Островой?! А? То-то же. Везет дуракам, – но тут же погрозил пальцем шутливо, – но я не дурак! Это учтите.

Стоящие неподалеку немцы рассмеялись, расценив это как шутку.

– Ну, ладно, – добавил он, обращаясь к Марине, – Мы поехали... Позвони Николаю, сообщи...

Михаил Александрович и Настя направляются к выходу. За ними эскортом служащие и портье.

Марина смотрит им вслед. Затем набирает какой-то номер.

– Да, это я... Все, поехали в аэропорт. Да, по расписанию. Что? Нет, я завтра, обычным рейсом через Москву. У меня там дела.

СЦЕНА 31. АЭРОПОРТ КАМЕННОГОРСКА. СУМЕРКИ. ЗИМА.

Небольшой частный самолет подруливает к стоянке, тут же к нему подъезжает машина представительского класса и два джипа с охраной, еще несколько машин. Хлопают дверцы, выходят встречающие: помощники Острового, начальник охраны Николай.

Открывается дверь. Вначале по трапу спускается Валентин, следом за ним еще один помощник. В руках они держат разнообразные пакеты с одеждой из бутиков. Пакетов много, они раскачиваются под сильным северным ветром. Затем только появляются Островой, Настя. Кутаются в воротники – холодно.

Островой коротко и довольно сухо приветствует всех и сразу идет к машине. Видно, что он не в духе. Заметив это, тут же все встречающие торопливо расходятся по своим машинам.

СЦЕНА 32. УЛИЦЫ КАМЕННОГОРСКА. САЛОН МАШИНЫ. СУМЕРКИ. ЗИМА.

Настя с интересом разглядывает улицы незнакомого ей города, но, собственно, разглядывать, нечего – промышленный городок за полярным кругом, угрюмая советская архитектура, кое-где разбавленная аляповатым ярким новоделом, торговыми залами и всевозможными казино.

– Это центр, – говорит Михаил Александрович, кивая в окно, – есть, кстати, очень даже неплохой магазин, товары из Швеции и Норвегии. Если хочешь – тебя свозят туда. Кстати, я не познакомил тебя, – он показал рукой на сидящего впереди мужчину, – это Николай, начальник моей охраны.

Человек на переднем сидении повернулся и вежливо кивнул.

– Если что не так, – добавил он, – сразу к нему, запомни.

– А почему так темно? – спрашивает Настя.

– Так север же... Полгода – почти ночь, зато потом полгода – почти сплошной день. Ничего, привыкнешь. Мы здесь не так часто будем бывать.

– А хочешь, комбинат покажу? – и к шоферу. – А ну давай, на 14-ый. Окинем хозяйским глазом. владения олигарха.

СЦЕНА 33. ДОРОГА РЯДОМ С КОМБИНАТОМ. САЛОН МАШИНЫ. ЗИМА. СУМЕРКИ.

Сквозь окно машины видны горы какой-то руды, котлован со змейкой-спиралью дороги в скалистом грунте. И вдаль – темные квадраты огромных заводских строений, трубы, прожектора, заборы с колючей проволокой по периметру. Пар стоит над строениями.

– Ну как? Масштаб чувствуешь? – не без гордости говорит Михаил Александрович и усмехается. – Многие бились за это место. Да. Насмерть стояли, а только победителем вышел я. Так-то.

– Мрачно как тут, – вдруг говорит Настя, – как в преисподней.

– Чего болтаешь, глупышка? Ничего не мрачно. Кто хочет света, там вот. Казино, торговые центры в городе. Никто не жалуется.

Неожиданно фары машин высвечивают шеренгу угрюмо идущих людей вдоль дороги: ватники, спецовки, надвинутые шапки.

– Это все мои, – замечает Михаил Александрович и добавляет тихо, – рабы.

– Какие рабы? Вы что? – вдруг пугается Настя. – Зачем так?

– Рабы, рабы. Неприятно сознавать, да? Но это правда. Есть рабы, а есть хозяева. Так мир устроен. Ничего с этим не поделаешь.

Группа рабочих, похоже, из Средней Азии, замечая машину и эскорт, торопливо снимают шапки и кланяются в сторону автомобиля.

– Всё, поворачивай назад, посмотрелись, – резко командует Михаил Александрович шоферу.

– Запомни, наконец, – говорит он тихо, наклонившись к Насте. – Чтоб мне не повторять больше – я говорю то, что думаю, понимаешь? Всегда и везде. И я не люблю, когда начинают по этому поводу ахать и удивляться. Поняла?

– Да... Извините.

СЦЕНА 34. ДВОР ОСОБНЯКА ОСТРОВОГО. ЗИМА. СУМЕРКИ.

Машины въезжают на территорию большого ухоженного двора, останавливаются у входа.

Михаил Александрович и Настя выходят из машины. Охрана и прислуга, выстроившись, приветствуют хозяина, раздаются голоса:

– Поздравляем вас, поздравляем!

– Ладно, представьтесь Анастасии Сергеевне потом, – командует Михаил Александрович, – мы устали с дороги.

Он чуть подталкивает вперед Настю, они входят в дом.

СЦЕНА 35. ОСОБНЯК ОСТРОВОГО. ВЕЧЕР. ЗИМА.

Женщина средних лет, Ирина, в белом фартуке и косынке, ведет Настю по обширным помещениям особняка, проводя своего рода ознакомительную экскурсию.

– Здесь в холле – обычно завтрак и ужин. Тут сбоку спортзал, если хотите, массажисты работают обычно в этой комнате. Зайдете сюда?

– Нет, не надо.

– Там бассейн. Михаил Александрович каждое утро плавает. Такой режим.

Они идут дальше, поднимаются на второй этаж.

– Вот, это ваша спальня, Анастасия Сергеевна. Отдыхайте пока, не буду вам мешать. Если что надо, – она показывает на трубку местного телефона, – по этому телефону. Мой номер – цифра три.

Ирина выходит из комнаты, Настя остается одна. Первым делом она подходит к своим вещам, достает из сумки иконку, молитвослов. Осматривается – куда бы поставить.

Подходит к окну, смотрим во двор. Там ночь и одинокий фонарь, освещающий часть высокого забора, охранники с собаками. Тюрьма.

Настя отходит от окна, садится на кровать, смотрит прямо перед собой, словно в прощании, никакой радости в ее глазах нет.

СЦЕНА 36. ОСОБНЯК ОСТРОВОГО. НОЧЬ. ЗИМА.

Тусклый свет из окна чуть освещал лицо спящей Насти. Все так же отдаленно где-то гудел порывами ветер.

Неожиданно в тишине вдруг четко обозначились новые звуки – скрип двери, затем тихие шаги. Они приближались. Настя открыла глаза, еще не совсем со сна понимая, почудилось ей, или нет. Снова раздались шаги и замерли где-то поблизости.

Настя резко повернулась и села на постели, вглядываясь в темноту.

Возле нее стоял Михаил Александрович. Молча, неподвижно.

Смотрел на Настю, словно не узнавая. Она съеживается под его странным сомнамбулическим взглядом.

– Мне нужно поговорить, – вдруг прошептал он. – Это обязательно... Мне говорить надо... Да...

– Поговорим? – вдруг резко и быстро произнес он, вроде как, и не к ней обращаясь, а куда-то в пространство. – Мне нужно ночью с кем-то разговаривать. Такая вот странность. Привыкай. Ночью, да. – он помолчал, сел на кровать, – накатывает что-то. Не пойму. Проснусь – и так болит. Тут где-то. – он провел рукой по груди, – будто вообще. другой человек... кто – то. Сам не пойму, как со сна. Лунатик. Я в Швейцарии к врачу даже ездил. Ничего он понять не смог. Психоз, говорит. Фантомные боли. Вы, наверное, лунатик, так он сказал. Какой лунатик? Я ему – грохнуть меня могут, вот и психоз. А он даже не понял, про что я. – он помолчал. – А грохнуть могут, я чувствую. Шуршат вокруг. Копают. С такими деньгами, как мои – не уцелеть, либо грохнут, либо отберут половину, а то и всё. Могут и посадить. Предлог найдется. Они ведь понимают. кто идет. И зачем. Потому и боятся. Они шаги чувствуют, а шаг у меня тяжелый. Понимают, идет тот, кто сильнее их. Сильнейший. Тут уже дело не в деньгах, тут вопрос власти. Чья она.

– У вас же столько охраны. Почему вы боитесь?
– Да что, охрана... Что у других охраны не было, что ли? И ничего... грохнули. И отобрали. Нет, если хотят грохнуть – то грохнут.

– Зачем вы так говорите? Нельзя так. На все воля Божья.

– А может, это она и есть – воля Божья, кто знает.

Он задумался, помолчал, потом внимательно посмотрел на Настю:

– Мне сегодня знак был, нехороший. Стоим мы на переезде, вдруг к машине цыганка подходит и прямо к моему окну, стучит. Охрана прогнать хотела, а мне что-то стукнуло. Открыл окно. Хотя, честно говоря, я ненавижу этих цыган, гадалок, с детства ненавижу. А она сразу кинулась ко мне, схватила за плечо, цепко так, и говорит: «Вот так-то, Миша, мир катится к концу. Всё. Конец.» – и засмеялась. Зубы у нее гнилые. Запах изо рта такой. Меня аж перевернуло, как из могилы. Миша. как она имя мое узнала? Хотя меня тут все знают.

Он вроде хотел еще что-то сказать, забормотал, но вдруг заснул на полуслове, качнулся, безвольно упал на постель.

Дыхание его стало ровным. Глубокий сон.

СЦЕНА 37. ОСОБНЯК ОСТРОВОГО. УТРО. ЗИМА.

В холле накрыт на две персоны большой стол к завтраку.

Михаил Александрович, между тем, поджидая Настю, кормит птичек – две высокие клетки с пернатыми расположены по краям холла. Похоже, птички – это его слабость, он умело подсвистывает им с умилением, они отвечают веселым щебетанием.

– Доброе утро, – Настя входит в холл, садится к столу.

– Доброе, – отвечает Михаил Александрович. Трудно в нём сейчас узнать того другого, измученного душевной болью человека. – Ты можешь, конечно, встать попозже, не так рано, как я. Но, знаешь. Лучше, чтобы утром такое семейное совещание проводить. Планерку на день. Согласна?

– Да.

– Даже если не согласна, всё равно будет так, – усмехается Михаил Александрович, направляясь к столу. – Привыкай. В этом доме всё решает только один человек. И в этом городе, кстати, тоже. А может скоро и в этой стране буду решать, – засмеялся он. – А почему нет? Есть у меня на этот счет одна мыслишка.

Он помолчал.

– Я вот что подумал. Надо тебе чем-то заняться, ну, кроме – шопинг, фитнес, бассейн, массаж – это, понятно, святое, на это не покушаюсь, дамский набор... А вот, например, языки... Иностранные. У тебя неплохо получается по-английски.

– Я знаю еще немного. французский, мы учили на слух в интернате.

– Ну? Вот и отлично. Ценная вещь. Теперь сможешь изучить по-настоящему. Читать уже научилась?

– Еще не очень.

– Ничего, научишься.

Он встает.

– Ну, я пошел. Да, если захочешь куда-нибудь поехать, надо записать в журнале, на охране. Ну, там тебе объяснят.

– Я вообще хотела пешком просто прогуляться. Я совсем не знаю этот город.

– А вот это нельзя, Настенька, только на машине и только с охраной. Там уже по месту, куда приедешь, погуляешь. Какая разница.

Он подходит к Насте целует ее.

– Ну, не скучай, девочка, папик вечером будет. если не убьют.

Настя удивленно смотрит на него.

– Это так, шутка, – на ходу говорит он.

СЦЕНА 38. ДВОР ОСОБНЯКА ОСТРОВОГО. ДЕНЬ. ЗИМА.

Настя выходит во двор, подходит к будке охраны возле гаражей. Навстречу ей, дежурно улыбаясь, выходят два охранника:

– Хотите куда-то поехать?

Настя на минуту задумалась.

– А скажите, море тут далеко?

– Море? – удивился охранник. – А куда вы там хотите?

– Не знаю. Я просто никогда не видела море.

– Ага. – замялся охранник, – ну, решим по дороге. Придумаем что-нибудь.

– На какой машине желаете? – спрашивает другой.

– Я не знаю. Все равно.

– Ну, тогда, пожалуйста, запишите в журнал всё это, и время.

– Время чего? – не поняла Настя.

– До какого часа предполагаете отсутствовать... Примерно, конечно...

СЦЕНА 39. БЕРЕГ МОРЯ. СУМЕРКИ. ЗИМА. СОВМ. С КОМБ.

Тёмное пустынное пространство скалистого берега высвечивают фары остановившихся машин. Впереди вздымаются, накатываясь на берег, огромные черные волны. Холодное северное море.

Настя приближается к обрывистому берегу, за ее спиной недоуменно переглядываются между собой охранники, дескать, что за хозяйская прихоть такая – на ветру и холоде стоять.

Настя подходит близко к краю обрыва, ей виден внизу разбитый причал, а на нем одинокий фонарь, освещающий воду. Настя заморожено смотрит на волны, на фонарь. Бездна. Тьма. Холодные волны.

Один из охранников подходит к ней, протягивает бинокль, показывает рукой в темноту, дескать, так лучше видно будет.

Настя берет бинокль, прикладывает его к глазам. И тут же резко и испуганно опускает его. Огромные волны показались ей совсем близкими.

СЦЕНА 40. ОСОБНЯК ОСТРОВОГО. ВЕЧЕР. ЗИМА.

Настя стоит в одной из комнат, возле большого телевизора. Осторожно, с робостью, рассматривает пульт. Нажимает одну кнопку, другую. Экран вспыхивает. Настя вздрагивает от неожиданности. Изображение беззвучно. Настя нажимает кнопку переключения каналов, также беззвучно перед ней сменяются картины программ, каких-то фильмов, новостей. Но везде война. война. война.

Входит Ирина.

– Ужин уже подан, Анастасия Сергеевна, прошу вас.

Михаил Александрович и Настя ужинают в гостиной.

– Что, куда ездила?

– По городу. – Настя помолчала. – И к морю. Там так страшно. Я до сих пор забыть не могу.

– Конечно, страшно. Какое это море, – усмехается Михаил Александрович. – Мрак и холод. Море – это на Лазурном берегу. Вот там море. Скоро поедем туда. Ты же не видела мою яхту... Ну?! Яхта у меня, между прочим, по рейтингу, в десятке лучших судов этого класса. Алиса, называется.

Михаил Александрович наливает себе вина. Берет бокал для Насти, вопросительно смотрит на нее:

– Что, так и будешь трезвенницей? Ну, хотя бы попробуй.
Он наливает ей. Настя берет бокал, робко делает глоток.
– Вкусно, – говорит она. – Но я не хочу, спасибо.
– Какая ты, – усмехается Михаил Александрович. – Сидишь, как в гостях. Хоть бы бокал об стену разбила, для разнообразия. Или, вон, прислуге по морде съездила. Чтоб знали, кто хозяйка в лавке. А ты – спасибо, – передразнивает он, но ласково, почти нежно. И добавляет тихо, дотронувшись до ее руки:
– Ну, хорошо. Иди, готовься ко сну. Я скоро приду.

СЦЕНА 41. ОСОБНЯК ОСТРОВОГО. НОЧЬ. ЗИМА.

Настя видела в темноте над собой только часть щеки Михаила Александровича, его затылок, они вздрагивали в однообразном движении. Она слышала его близкое нарастающее дыхание, наконец, оно оборвалось резким выдохом. Она увидела над собой его чуть закатившиеся глаза. Затем он откинулся тяжело вбок. Молчал. Лежал, успокаивая дыхание, постепенно засыпая, словно никого рядом с ним не было. За окнами отдаленно гудел ветер.

Настя встала, направилась куда-то в темноту.

СЦЕНА 41-А. ОСОБНЯК ОСТРОВОГО. НОЧЬ. ЗИМА.

Настя сидела на краю ванны, не зажигая свет, смотрела в темноте на льющуюся из крана воду, чуть подсвеченную лунным светом из маленького окна.

СЦЕНА 41-Б. ОСОБНЯК ОСТРОВОГО. НОЧЬ. ЗИМА.

Все так же в полной темноте, Настя вышла из ванной, подошла к окну. Замерла возле него надолго, припав лбом к стеклу, вглядываясь в темноту. Оно чуть вздрагивало от сильного ветра, бушевавшего в продутых пространствах.

Настя подошла к постели. Она садится на краешек и долго смотрит на лицо спящего, словно изучая его.

СЦЕНА 42. ОСОБНЯК ОСТРОВОГО. УТРО. ЗИМА.

Настя и Михаил Александрович завтракают, как всегда, в холле. Михаил Александрович свеж, выбрит, пышет здоровьем и оптимизмом, как и всегда по утрам. Он привычно просматривает бумаги, усмехаясь чему-то, затем поднимает глаза на Настю.

– Ну, что, куда сегодня собралась?
– Еще не знаю... Говорят, тут храм есть хороший, в пригороде.
– Храм. Понятно. Храм твой отменяется, – усмехаясь, говорит Михаил Александрович. – Потому что, – он посмотрел на часы, – через два часа мы вылетаем в Москву, на благотворительный вечер, а ночью вернемся. Надо же тебя выводить в свет, а? Ну, как сюрприз? Не слышу аплодисментов.

– Я согласна, – улыбнулась Настя.
– Еще бы ты была не согласна. Столицу, кстати, посмотришь. Частушку знаешь?
– Какую?
– Наверху звезда горит, у подножья труп лежит, – строго и преувеличенно серьезно проносит Михаил Александрович. – Догадалась? Что это?
– Нет.
– Это наше святое святых!.. Это наша родина, девочка. Знать надо.

СЦЕНА 43. УЛИЦЫ МОСКВЫ. ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

Сквозь окна машины видны яркие огни высотных зданий. Настя всматривается то в одну, то в другую сторону. Похоже, этот праздничный мир движущихся огней завораживает ее.

– Красиво как, – бормочет Настя.

– Тут много чего красивого, – говорит Михаил Александрович. – Ну, ничего, я скоро куплю дом на Рублевке. Будем ездить сюда на выходные.

СЦЕНА 44. МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

Настя и Михаил Александрович идут по площади среди других туристов и просто гуляющих людей. Впрочем, народа не много и у Насти есть возможность спокойно рассмотреть все вокруг.

– Ну как, нравится? – спрашивает Михаил Александрович, чуть обнимая ее за плечи. – Это место силы... Власть – вот она. Тут лежит.

Михаил Александрович задумался о чем-то своем.

– А ты чего дрожишь? – вдруг удивился он, обняв ее за плечи.

– Холодно как. Странное место какое.

– Что странного? – удивляется Михаил Александрович.

– Кровью пахнет сильно тут. – тихо говорит Настя. – Не чувствуете?

Михаил Александрович обескуражено посмотрел на Настю.

– Власть всегда пахнет кровью. Без этого не бывает. Так мир устроен, девочка. – Он помолчал. – Ну, ладно, пошли. опаздываем.

СЦЕНА 45. МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. ВХОД В РЕСТОРАН, ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

Михаил Александрович и Настя направляются ко входу в ресторан, где начинается благотворительный вечер. Вокруг уже много других нарядно одетых гостей. У дверей выстроились швейцары в позолоченных мундирах.

СЦЕНА 46. ЗАЛ ДЛЯ ТОРЖЕСТВЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ. ВЕЧЕР.

Среди нарядных гостей ходят одинаково одетые красотки – активисты мероприятия и раздают гостям лотерейные билеты.

Михаил Александрович стоит рядом с немолодой дамой, Маргаритой, одной из устроительниц бала. Настя стоит чуть в стороне и беседует с какими-то девицами.

– Как считаешь, получился вечер? – спрашивает Маргарита.

– Безусловно, весь бомонд. Но ты, главное, – склонился к ней Михаил Александрович, – про прессу помни, чтобы во всех СМИ. яркими красками. и по многу раз. Как договорились. Мне сейчас это нужно, как никогда.

– Не волнуйся, я тоже заинтересована в этом, как ты понимаешь. Кстати, – она иронично кивнула в сторону Насти. – Откуда девочка?

– С луны... Она вообще не отсюда, не с вашего шарика.

– Да ну? Инопланетянка?

– Почти. Что, удивлена?

– Ничуть. С такими деньгами как у тебя, Миша, можно и инопланетянку приобрести, почему нет? – смеется она. – Ну а вообще, как она. Я имею в виду, как учиться? Какие отметки приносит из школы?

– Ну и змея же ты, Маргарита, не меняешься.

– Это от старости, Миша. Ты тоже не молодеешь, хотя пытаешься.

– Спасибо за комплимент.

Михаил Александрович смеется и чокается с Маргаритой.

– А если честно, кто она, твоя жена?

– Моя вдова.

– Честный ответ, учитывая твой возраст. До чего же вы все, мужики, козлы! – тихо говорит она, собираясь уходить.

– И твой Гриша?

– А мой Гриша больше всех. Только это между нами.

Михаил Александрович и Маргарита обмениваются шутливыми поцелуями.

Михаил Александрович оглядывается, выскивая глазами Настю, идет к ней.

Его неожиданно останавливает некий пожилой господин, похоже, из давних знакомых.

– Молодец, что приехал. Рад тебя видеть, – говорит он, расплываясь в улыбке. И добавляет игриво, – и с молодой женой. Поздравляю!

– Спасибо.

– Ну, что, я слышал, ты приобрел два номерных завода?

– Один. Пока один.

– Тоже неплохо. Куешь, значит, оборонзаказ? В три смены? Как это теперь принято.

– Уже в четыре.

– Ух! Фартовый ты парень, Михаил, – и чуть наклонившись и понизив голос, добавил, – я тоже планирую быть поближе к этому ведомству. Реальный деньги сейчас – только там, это факт.

– О, извини, – пожилой господин торопливо кому-то кивает приветственно, – я сейчас. И тут же уходит, теряясь в толпе.

СЦЕНА 47. АЭРОПОРТ В МОСКВЕ. НОЧЬ. ОСЕНЬ.

Настя и Михаил Александрович поднимаются по трапу в самолет.

Михаил Александрович за руку здоровается с стюардессой. Они входят вовнутрь. Последним по трапу поднимается Николай. Дверь закрывается за ним.

СЦЕНА 48. САЛОН САМОЛЕТА ОСТРОВОГО. НОЧЬ.

Настя и Михаил Александрович сидят в больших креслах. Рядом с ними никого нет. Настя смотрит в окно на проплывающие вечерние облака. Михаил Александрович потягивает виски.

– Через две недели поедem в Лондон. Через год мы вообще переедем жить в Англию, я уже решил это... Не слышу аплодисментов?

Настя неопределенно пожимает плечами, продолжая смотреть в окно. Это раздражает Михаила Александровича.

– Злишься, да? А чего злиться-то? Что, бал не понравился?

– Не понравился.

– Что опять тебе не так, монахиня ты моя, драгоценная? А?

Настя молчит, не отвечает. Это ещё больше злит Михаила Александровича.

– Нет, ты скажи, всё-таки!

– Не делают так добро, – наконец, говорит она. – Вы же сами сказали, что на прессу и телевидение потратили больше, чем собрали. Что, не так?

– Так. И что из этого?

– Никто даже толком не знал, на что собираются деньги.

– Да. А как иначе?

– Правая рука не должна знать, что делает левая, когда даёте милостыню. Так сказано. Вот так и надо делать добро. Бескорыстно.

– Опять цитаты. Как-то, что ни возьми, у вас, у церковников, на всё есть цитатник. Прямо как у Мао. А своей головой думать не можете? Ты хочешь, чтоб я отдал деньги тайно, чтобы даже никто не знал об этом? Так? Чтоб даже никто мне за это спасибо не сказал? Как будто я обязан, кому-то там. Ну, здорово! Да кто же согласиться на это? Идиот, что ли?

– Да и потом... Что для этих людей пожертвования? Это для них – копейки, они чаевые дают больше. Вон, содержание вашей яхты, сколько стоит в день? Вы же сами сказали, я слышала. Лишние эти деньги у вас, некуда девать? Отдайте тому, кому нужны они, кто с голоду умирает, у кого на лекарства и лечение детей денег нет. На эти деньги жизнь человеческую можно спасти.

– Можно. – он помолчал, – а зачем?.. Спасать зачем?

– Как? – опешила Настя.

– Ты думаешь, я такой уж тёмный? Я тоже кое-какие цитаты знаю из вашего священного писания. Имеющему – прибавится, а у не имеющего – отнимется. А? Так или нет?

– Это. про другое сказано. – растерянно возразила Настя, – это.

– Да, нет. Сказано – значит сказано. Универсальный закон жизни. Потому, – он сделал паузу и произнес раздельно, – потому, что мир так устроен.

– Что, молчишь? Теперь можешь сказать свое обычное «неправильно устроен». Такой пароль у нас теперь будет, да? Моя фраза – твой отзыв.

– Зачем вы так? – Настя отвернулась к окну.

Какое-то время они молчат. Михаил Александрович поглядывает на нее, усмехается.

– Ладно, всё. Забыли. – он трогает ее за плечо. – А как тебе Москва?

– Красивая. – не отворачиваясь от окна, пробормотала Настя.

Михаил Александрович глотнул виски, иронично взглянул на Настю, пытаясь поймать её взгляд, но она отвела глаза.

– Какая-то ты возвышенная сегодня. Излишне. Вообще-то я не люблю, когда кто-то надо мной возвышается. Надо бы тебя. как бы это сказать. приопустить. а? – Он неожиданно встал, потянулся: – Засиделся что-то. Пойдем, прогуляемся. Покажу тебе кое-что. Тут есть другие помещения, в самолёте.

В конце небольшого салона, напоминающего скорее холл, видна дверь. Михаил Александрович открывает ее, приглашая Настю войти:

– А это мой кабинет. Ну, как? – он пропускает Настю вперед и закрывает за ней дверь.

СЦЕНА 49. САЛОН САМОЛЁТА ОСТРОВОГО. НОЧЬ.

В кабинете расположен большой стол, рядом со стойками, шкаф по типу платяного, несколько кресел. Михаил Александрович подходит к шкафу, открывает дверцу. Там висят в ряд несколько костюмов, рубашки, много галстуков. Михаил Александрович выбирает один из них, почему-то проверяя его на прочность. Подходит к Насте и ничего не говоря, начинает связывать ей руки в запястьях.

– Зачем это? – теряется Настя, пытаясь освободить руки.

– Не бойся, ну-ну. это такая игра, сейчас объясню.

Он туго связывает ей руки и наклоняет ее к столу, лицом вниз, привязывая другой край галстука к стойке:

– Ну, не бойся, говорю тебе.

– Зачем это? – пытается освободиться Настя, но безуспешно. – Зачем?

– А затем, – он начинает тяжело и возбужденно дышать ей в ухо, задирая ей юбку, – чтобы я мог с тобой сделать то, что я хочу. Очень, очень развратное. За это в мусульманских странах даже приговаривают к смертной казни. Вот так.

– Ой, ой, больно так! Что вы делаете? – вдруг вскрикнула она. – Ну, не надо! Больно же, больно!

– Всё, всё. Сейчас не будет больно. Вот так.

– Ой, ой! Не надо! – начинает всхлипывать она. – Не надо!

– Надо, – повторяет он, – надо.

СЦЕНА 49-А. ДВОР ОСОБНЯКА ОСТРОВОГО. НОЧЬ. ЗИМА.

Ко входу подъезжает лимузин Острового, за ним, как обычно, джип.

Настя резко выходит, почти выпрыгивает из машины, не закрыв за собою дверь, и быстро идет ко входу в дом.

Михаил Александрович выходит следом.

– Настя, – кричит он, – подожди!

Но она не оглядывается.

СЦЕНА 50. ОСОБНЯК ОСТРОВОГО. НОЧЬ. ЗИМА.

В спальне очень темно, слабый свет из окна сквозь прикрытые шторы чуть высвечивает комнату, фигуру Насти. Она сидит у низкого столика, возле дивана в центре спальни. Перед ней иконка и молитвослов. Ее пальцы привычно движутся по строчкам шрифта Брайля.

Приоткрывается дверь, Михаил Александрович входит в спальню, стоит какое-то время, взглядываясь в темноту, потом подходит. Настя продолжает молиться, не замечая его. Он молча садится рядом.

Настя вздрагивает, поворачивает голову. Они смотрят друг на друга.

– Я виноват, я знаю... Прости...

Он умолкает, отвернувшись, как-то неопределенно проведя рукой по груди, затем вдруг снова смотрит на нее, не отрываясь.

– Тебе больно было сегодня? – наконец, произносит он.

– Очень.

– Да, конечно. Но ты должна понять. Это так возбудило меня. Это так, вообще, возбуждает. Ты разве не почувствовала?

– Мне было больно.

– Ну, да. больно. Но в этом всё дело. Да, насилие. То, что запрещено. Вообще, что-то новое. чего не было раньше. Всё это возбуждает. Разве не так? Так устроен человек. Что, я один такой?.. Нет, конечно. Но другие боятся признаться себе в этом. Вот и вся разница, – он помолчал. – Хочешь сказать, что это порок, когда хочется чего-то такого? Нет, не порок. Это искренность. Да, мне этого хочется. Что, плохо? А почему плохо?.. Почему кто-то должен за меня решать, что хорошо, что плохо? Я хочу решать сам. И буду решать. Разве я не прав?

– Вы больны.

– Чем это я болен?

– У вас душа больна.

Настя поворачивается к нему, их лица теперь близко друг к другу. Михаил Александрович замечает слёзы на её щеках. Она, вдруг, начинает гладить его ладонью по голове как ребёнка.

– Ты что так смотришь? – теряется он. – Гладишь, как ребёнка.

– А вы и есть ребёнок, только очень больной. И вас уже не спасти, потому что веры у вас нет.

– Что, в аду гореть буду? – усмехнулся он.

– Не знаю. Может и в аду. Но я буду молиться о вас. Я каждый день молюсь. Бог даст, отмолю вас. Вы изменитесь. По молитве – всё возможно. Если жена или муж верующий, а другой нет, то он спасается верой супруга. Так отцы церкви учат.

– Отцы, – задумчиво повторил Михаил Александрович. – Точно, лунатик я. какие-то отцы. Отцы.

Он достал фляжку из кармана халата, приложился к ней. Затем неожиданно повернул её лицо к себе, взяв за подбородок, притянул.

– Ты что ж и вправду думаешь, что для меня Бога нет? Такой тупой атеист? Нет. Всё не так просто. Он есть, я это точно знаю. Но только мы против него, вот в чем всё дело.

– Кто мы? – опешила Настя.

– Человечество. Люди. Когда он придёт – все будут против него. Он же сам так сказал, забыла что ли? Потому что мы другие. Другой породы. Вот тогда-то и будет Армагеддон. Он против нас, мы против него. Кто за него встанет? Ну, разве что, такие как ты, блаженные. А что вы можете в этом мире? Ничего. ничего.

Он вдруг откинулся назад, скривился, взявшись рукой за затылок.

– Голова. тянет как. Принеси таблетки. на столе лежат.

Настя быстро встала, подошла к столу, принесла таблетки. Михаил Александрович тут же торопливо проглотил их, закрыл глаза, затем взял ладонь Насти и положил себе на лоб.

– Не убирай. руку. пожалуйста, – прошептал он, засыпая.

СЦЕНА 51. ОСОБНЯК ОСТРОВОГО. УТРО. ХОЛЛ. ЗИМА.

Как всегда по утрам, накрыт стол в холле. Михаил Александрович уже сидит за столом, завтракает. Входит Настя, садится к столу. Молчит.

Она в своем стареньком выцветшем платье. Михаил Александрович удивленно смотрит на нее. Настя не поднимает глаз.

– Чего это ты в этом платье сиротском? – раздраженно говорит Михаил Александрович. – Тебе же столько всего накупили. Где это все?

– Я в церковь сейчас пойду, на службу.

– Понятно. В церковь по-скромному, а по жизни – от «Версаче». Логично.

Настя продолжает сидеть, опустив глаза, не притрагиваясь к еде. Молчит.

– А чего не ешь? Сидишь, как статуя... Что случилось опять?

– Я причаститься хочу сегодня.

– А что, перед этим нельзя есть?

– Нельзя.

Молчат. Михаил Александрович поглядывает на Настю, но она не поднимает голову.

– Я спросить хотела у вас. одну вещь, – наконец произносит Настя тихо, подняв глаза.

– Ну, спроси.

– А если бы операция не удалась. Как бы вы поступили со мной?

Михаил Александрович отвечает не сразу, с удивлением и интересом взглядываясь в Настю.

– Хочешь честно?

– Честно.

– Отвез бы тебя обратно в интернат. И все. Ну, денег может быть дал, немного. Калека мне не нужна. Да и никому не нужна. Что? Сомневаешься в этом? Нет, девочка, мир так устроен. Всем нужны здоровые, красивые и молодые. А ущербные – они для чего? Сами мучаются и другим создают проблемы. Разве не так. Я бы им всем, честно говоря, разрешил эвтаназию. Всем было бы лучше от этого. Когда-нибудь так и будет.

Настя молчит, не отвечает.

– А почему спросила?

– Так. Подумала. А вот еще. Вы говорили, что любите меня, так?

– Ну. – Михаил Александрович с интересом посмотрел на нее, даже перестал есть.

– А вы знаете, есть такой брак. Называется белый. Это когда люди живут вместе, в любви живут, но без отношений. интимных. А мы разве не можем так?

Михаил Александрович взял ее руку и притянул к себе, возможно, крепко сжимая ее при этом.

– Ой, больно так, – невольно вскрикнула Настя, – пустите.

Но Михаил Александрович продолжал держать ее руку, взглядываясь глаза в глаза. Молчал.

– Значит, не любишь? – наконец произнес он. – Не любишь... не любишь.
– Почему? Нет. Люблю, наверное, но как-то иначе, не так как вы хотите.
– Интересно, – вдруг усмехнулся Михаил Александрович, – Другая бы на твоём месте врала, говорила бы люблю, обожаю. А ты нет. Говоришь правду. Не люблю и всё. Это хорошо, что ты говоришь правду. Это редкость.

Зазвонил телефон. Михаил Александрович наконец отпустил её руку и включил трубку.

– Да? – говорит он быстро и сразу же встает и направляется к окну. – Так. Уже приехал? Ага, вижу. Молодцы. Давай, разгружайте. Но очень осторожно, головой отвечаешь мне.

СЦЕНА 56. ДОРОГА РЯДОМ С КОМБИНАТОМ. СУМЕРКИ. ЗИМА.

... Бесконечная шеренга угрюмо идущих людей вдоль дороги: ватники, спецовки, надвинутые шапки. А вдали – темные квадраты огромных заводских строений, трубы, прожектора, заборы с колючей проволокой по периметру. Пар стоит над строениями, постепенно покрывая все пространство, превращая его в серый ядовитый туман.

Настя сидит в машине, смотрит в окно.

СЦЕНА 57. ЦЕРКОВЬ В КАМЕННОГОРСКЕ. УТРО. ЗИМА.

Настя подходит ко входу в храм, осеняет себя крестным знаменем. Входит вовнутрь.

СЦЕНА 58. ЦЕРКОВЬ В КАМЕННОГОРСКЕ. УТРО. ЗИМА.

Пожилый священник, приблизившись к уху Насти, негромко выговаривает ей:

– А ты когда замуж-то вышла, дочка? Что-то я не понимаю.

– Месяц назад, – тихо отвечает Настя, всхлипывая.

Она стоит, низко опустив голову, как и положено на исповеди.

– Что? Месяц назад?! – невольно вскрикивает священник. – И уже хочешь мужа бросить?! Ох, молодежь пошла, прости Господи!

– Не бросить, батюшка... А жить белым браком, без отношений...

– Где же ты такого начиталась? Что ж это за брак такой, белый? Это, чтоб и детей не было?

– Ну да. Получается так.

– Грех это, дочка. Брак для деторождения освящен Богом, потому и таинство называется.

Он у тебя верующий хоть, муж твой?

– Нет.

– Неверующий супруг верою другого супруга спасается. Помни это. Молись за него. Это долг твой теперь. И от обязательств брачных не отказывайся, не греши. Как сказано в Нагорной проповеди? «Кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два». Вот и иди, и терпи. Тем и спасайся.

Он накрывает ей голову епитрахилью, чтобы прочитать разрешительную молитву.

– Как имя твое?

– Анастасия.

– Отпускаются грехи рабе Божией Анастасии. и т. д., – бормочет он.

СЦЕНА 59. УЛИЦЫ КАМЕННОГОРСКА. ПЕРЕЕЗД. СУМЕРКИ. ЗИМА.

В свете фар видны стоящие впереди машины, переезд, закрытый шлагбаум, шеренга солдат с автоматами вдоль переезда, два военных газика.

– Вот попали, не повезло, – бормочет Николай.

Он сидит на первом сидении, Михаил Александрович сзади.

Михаил Александрович набирает какой-то номер на телефоне.

– Да, Нина Петровна, еще одно. Забыл сказать. А что у нас с благотворительностью? Ну, это ясно, что не даём. Правильно делаем. Понятно. Что значит некому заниматься? Так

может нам фонд организовать, благотворительный? Почему? Есть кому возглавить. Моя жена, Анастасия Сергеевна, вполне могла бы. Да. Считайте, что решение уже принято. И это. Сроки. Оформите все бумаги к пятнадцатому. Ну, значит, постарайтесь. Вообще-то это будет вроде как свадебный подарок, поэтому. Ну, хорошо. Да. Жду.

Михаил Александрович выключает телефон.

– Чего-то засиделся, – бормочет он и выходит из машины. Николай и двое из джипа выходят следом.

Михаил Александрович стоит возле машины, смотрит вокруг. Рядом с дорогой, в темноте, освещенной тусклыми лампами, расположился вещевого рынок. Ближе всего к нему торговые ряды с качающимися на ветру черными майками с портретом президента в военной форме. Сразу за шлагбаумом видно железнодорожное полотно, там движется бесконечный состав: зачехленная военная техника.

– Михаил Александрович, – подходит к нему Николай, – вы бы вернулись в машину. Место тут плохо контролируемое. Не нравится оно мне... Надо бы вообще изменить маршрут.

Михаил Александрович ёжится от холодного ветра, но не уходит. Смотрит на состав, думает о чем-то.

– Ваша продукция, ведь, Михаил Александрович? – улыбается Николай.

– Моя.

– А все-таки здорово придумано, – Николай кивает в сторону эшелона, – вроде обычный состав. Издали ни в жизнь не поймешь, что внутри.

– Ты, Коля, меньше болтай на эту тему. Лучше будет.

Михаил Александрович возвращается в машину.

СЦЕНА 60. БЕРЕГ МОРЯ. СУМЕРКИ. ЗИМА. СОВМ. С КОМБ.

Бездна. Тьма. Огромные волны возникают из темноты и снова пропадают в ней.

Настя сидит на какой-то старой бочке, у края пустынного берега и смотрит на волны.

Похоже, сидит уже давно. То ли думает о чем-то, то ли не может оторвать взгляда от завораживающей ее бездны. От холодного ветра ее глаза слезятся, а может и не от ветра вовсе.

За ее спиной, вдали видны узкие лучи фар стоящих машин и тени охранников возле них. Неожиданно фигуры охранников начинают торопливо перемещаться от машины к машине.

А один из них начинает размахивать руками, словно пытаясь привлечь внимание Насти, а затем бегом бросается к ней, выкрикивая на ходу:

– Анастасия Сергеевна! Быстрее, сюда! Несчастье случилось! Срочно!

СЦЕНА 61. УЛИЦЫ КАМЕННОГОРСКА. СУМЕРКИ. ЗИМА.

Скорая помощь, пожарная машина, несколько полицейских машин, суета и бестолковая неразбериха вокруг. Впереди догорает машина представительского класса, окна ее и борта прострелены. Возле машины лежат трупы, уже укрытые черным целлофаном.

Настя и сопровождающие ее охранники проталкиваются к горячей машине, но замечают в стороне Николая, который делает им знак подойти.

Там, возле него, стоит машина скорой помощи, дверцы ее открыты.

Михаил Александрович сидит внутри, ему делают перевязку на руке. Видно, что он нервно возбужден, как всегда бывает после шока, улыбается.

– Вот, зацепило, – смеется он, обращаясь к Насте. – Шофера убили... И из охраны двоих... Такая стрельба тут была... Думал все, конец.

Когда Настя подходит совсем близко к нему, он говорит тихо:

– Выходит цыганка права была, а? Вот, и не верь после этого.

СЦЕНА 62. ОСОБНЯК ОСТРОВОГО. НОЧЬ. ЗИМА.

В комнате Насти темно, только горит свечка на столе, возле иконки. Настя сидит, склонившись над молитвословом, бормочет что-то негромко. Ее пальцы проворно и привычно скользят по строчкам шрифта для слепых.

Открывается дверь. Михаил Александрович входит в комнату, подходит к Насте. Садится рядом, молчит.

– Рука болит? – спрашивает Настя.

– Не очень. Терпеть можно. – Михаил Александрович смотрит на открытые страницы молитвослова. – Это и есть буквы для слепых? – спрашивает он, кивнув на молитвослов.

– Не могу к обычным буквам привыкнуть. Еще не получается, – словно стесняясь, говорит Настя.

– Привыкнешь.

Оба молчат, в тишине потрескивает свечка.

– Ночь никак не кончается... Скорей бы, – вздыхает Михаил Александрович.

Затем, будто что-то вспомнив, внимательно смотрит на Настю, ждет, пока она поднимет на него глаза.

– Сегодня у тебя выходной, – усмехаясь, говорит он, – секса не будет. Ты же этого хотела?

– Я? – растерянно переспрашивает Настя.

– Ты, ты... Думаешь, я не понял, про что ты мне утром говорила?... Хотя я понимаю тебя. Да. Старый уже, живот торчит, на боках жир. и вообще. Ну, не красавец. Может даже урод. Может. Но разве я не достоин счастья? А? Я ведь заслужил его. Я столько добился. Кто еще так, назови, от нуля и на вершину? Единицы. А мне тоже хочется любви. Такая вот маленькая слабость большого человека. Тут я попался. Да. Тут меня на крючок и взяли. А это плохо. Очень плохо.

Он наклонился к Насте совсем близко.

– Запомни, нельзя быть на крючке. Никогда.

Михаил Александрович встает, идет к двери, но затем вдруг возвращается обратно. Настя удивленно и растерянно смотрит на него. Он снова садится рядом, смотрит Насте прямо в глаза.

– В тебе ведь тоже есть зверь. Или думаешь нет? Есть.

– Какой зверь?

– И страсть, и похоть, и все как надо у тебя, девочка, не заблуждайся.

– Что вы такое говорите? – вспыхнула Настя, – я. я не понимаю.

– Да, ну?... Вот ты вспомни, когда я тебя на бочок положил, ты ножки наверх подтянула. И. Ну? Ты же стонала, как зверек, скулила, как кошка, даже царапалась. Забыла, что ли?

– Зачем вы эти гадости говорите?

– Почему гадости? Это природа. Твоя природа, твой зверек. Он пока еще маленький, не развился, а подрастет – в один прекрасный день так прыгнет. Ого-го! От твоих правил церковных ничего не останется. Мордой в грязь, в жижу зловонную.

– Мерзость вы говорите, на то и дана человеку молитва и исповедь, чтобы расти духом, низкую природу в себе изменять.

– Ух, ты! Да ты философ еще. А много ли тех, кто изменил? Природу свою. Я не беру тех, что от старости уже ничего не могут. А нормальных возьми, здоровых и молодых. Ты вот почитай монахов твоих, что пишут... Только и каются, только и сознаются в грехах, себя иначе как окаянными грешниками не называют. Значит не изменили себя, не получилось. Истязают себя, голодают, мучают, а изменить не могут. Разве не так?

– Не так! Не так!.. Это они от стыда за свою природу, от святости своей так каются, потому как видят в себе и малую соринку. Что вы-то знать можете про святых, монахов? Вы лба своего даже перекрестить не можете, а тоже мне, осуждаете!

– Я смотрю, аж, дрожишь. Ух, ты! Убила бы меня, а? Так ненавидишь сейчас.

А все потому, что думаю я иначе, чем ты. Только-то. А это, между прочим, тоже природа наша, человеческая, убить того, кто думает иначе.

- Страшно как вы живете, – Настя вдруг закрыла лицо ладонями, заплакала. – Страшно.
- Страшно, – согласился Михаил Александрович. – А что делать? Мир наш так устроен.
- Не наш, а ваш.
- Мой, что ли?
- Не только. Вообще. Ваш.

СЦЕНА 63. ОСОБНЯК ОСТРОВОГО. УТРО. ЗИМА.

Настя и Михаил Александрович завтракают, как всегда, в холле. Михаил Александрович, как обычно по утрам, свеж и полон оптимизма.

- Какие планы на сегодня? – спрашивает он.
- Еще не знаю.
- Сейчас приедут организаторы свадьбы. Утвердить программу. Так что, никуда не уходи.

Я хочу, чтоб ты была.

- Мне-то зачем?
- А что, я буду утверждать твоё платье, фасон, длину шлейфа? Ещё цвет кареты. Под цвет платья или нет? Тонкий вопрос.
- Какая карета?
- Мы с тобой, золушка, в карете будем ехать, запряженной четверкой белых лошадей. А губернатор будет встречать нас с золотым ключиком, такой вот сценарий.

– Кошмар какой-то.

– Да, ну? То есть ты, девушка с тонким вкусом, хочешь сказать, а я такой жлоб необразованный, мешок с деньгами. Да?.. Я тебе, по-моему, уже один раз объяснил. Так надо! Что непонятного?

- Хорошо. Я буду. Хорошо... Что вы цепляетесь к каждому моему слову?
- Что-то тяжело нам стало разговаривать. А это плохо. Очень плохо. Плохой знак.

Он замолчал, вроде бы сосредоточившись на еде. Настя тоже молчала.

– А ты, кстати, не хочешь съездить на пару дней, перед свадьбой, в твой Белодонск? Увидеть свой интернат, ну, там, директрису, подруг. Ты же даже не знаешь, как они выглядят, не видела никогда. И на тебя пусть они посмотрят.

- А что, можно поехать?
- А почему нельзя.
- А когда можно ехать? – заволновалась Настя, – Я бы поехала.
- Сейчас узнаем.

Михаил Александрович набрал на трубке местного переговорника какую-то цифру и коротко бросил в трубку:

– Зайди, Николай.

Николай тут же возник в дверях, похоже, он был поблизости.

- Пилоты где у тебя сегодня?
- Отдыхают. Но можно вызвать. К середине дня будут готовы. А куда летим?
- Мы – никуда, только в конце недели. А вот Анастасия Сергеевна полетит в Белодонск.
- Понятно.
- Значит, Марину вызови. Пусть курирует поездку и приготовит там всё: прессу, телевидение, она знает. И это. Кто возил Анастасию Сергеевну тут?

- Василий Михайлович.
- Ну, вот, пусть Василий Михайлович и едет, как шофер и администратор.
- Больше никого?
- Хватит. Остальные все – за день до моего приезда, как обычно.

- Так я побегу собираться? – Настя радостно срывается с места.
- Беги, беги. Звонить будешь каждый вечер.
- Конечно...

СЦЕНА 64. УЛИЦЫ БЕЛОДОНСКА. САЛОН МАШИНЫ. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Машина движется по улицам провинциального городка. Настя взволнованно вглядывается то в одно окно, то в другое. Василий Михайлович с сочувствием и теплотой поглядывает на нее.

– Странно, совсем всё другое. – говорит Настя, – но я помню все повороты на проспекте. Правда. Вот сейчас надо будет налево. Точно налево, – говорит она.

Машина сворачивает в боковую улицу.

– Да, не волнуйтесь так, Анастасия Сергеевна, – говорит шофер ласково. – Найдём, адрес же есть.

СЦЕНА 65. ДВОР ИНТЕРНАТА. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Впереди появляется забор, за ним небольшой парк, в глубине которого видно двухэтажное строение казарменного типа с облупленными стенами. Машина направляется туда, подъезжает ко входу. Похоже, что в здании идет ремонт. Окна изнутри обляпаны побелкой, возле двери стоят деревянные козлы.

Настя выходит из машины, растерянно оглядывает садик, здание интерната, небольшую пристройку тоже казарменного вида и рядом с ней церковь. Всё так непохоже на то, что ей, вероятно, представлялось ранее.

Из дверей интерната торопливо выходят несколько женщин. Впереди полная дама с букетом цветов:

– Настя, Настенька, ну, наконец-то, – восклицает она, и Настя по голосу ее понимает, что это и есть Людмила Петровна. Она обнимает Настю, вручает ей букет и, не переставая тараторить и всхлипывать на ходу от волнения, ведет ее в помещение.

СЦЕНА 66. ИНТЕРНАТ. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

– У нас тут ремонт, видишь. Спасибо твоему Михаилу Александровичу, – доверительно понижает голос она. – Наконец-то хоть приведем всё в порядок, а то нас уже выселять собирались, за аварийность. Представляешь? Но, слава Богу... С тобой такое чудо. И Михаил Александрович с деньгами помог. Всё совпало. Прямо не верится.

– Осторожно тут, – Людмила Петровна обходит сидящих на корточках рабочих из Средней Азии. – Ну что сидим, Ахмед? Кого ждём? Перерыв кончился давно, – прикрикивает она строго на них и снова к Насте: – Сюда, сюда, Настенька. Я в кабинете приготовила нам застолье, отметим твой приезд, как же.

– А где девочки? Где все? – спрашивает Настя, удивленно оглядывая пустые коридоры.

– Так ведь ремонт, я ж говорю, – поясняет Людмила Петровна, – на это время нас всех переселили в санаторий водного транспорта, это в пригороде. Если хочешь – я тебе адрес дам. Ты же на машине, съездите. Это не очень далеко.

– Ой, – вдруг останавливается Настя у поворота. – Подождите. По-моему, я знаю. Там, налево – ваш кабинет, а сюда, направо, комната, в которой мы жили. Так?

– Так, – умиленно восклицает Людмила Петровна и добавляет, уже обращаясь к другим женщинам, – ну надо же, всё Настенька помнит, умница какая.

– Я сейчас. Можно? – и не дожидаясь ответа, Настя идёт дальше по коридору, чуть дотрагиваясь пальцами до стены, узнавая свои движения, открывает дверь. Видна большая комната с железными казенными кроватями.

Настя входит в комнату, подходит к одной из них, проводит ладонями по выщербленному железу, кивает, словно разговаривая сама с собой:

– Здесь, да. Это моя кровать, – говорит она, затем подходит к окну.

Шумят деревья в саду, вдали видна кочегарка.

Настя дотрагивается пальцами до окна, закрывает глаза и прикладывает лбом к холодному стеклу. Стоит так какое-то время, не шевелясь.

Людмила Петровна и ее помощницы, стоя в дверях, молча переглядываются, понимая, что сейчас лучше оставить Настю одну.

СЦЕНА 67. ДВОР ИНТЕРНАТА. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Настя выходит из интерната, Людмила Петровна провожает ее. Они обнимаются. Настя направляется к машине.

– Ты только обязательно позвони, – говорит ей вслед Людмила Петровна.

– Конечно, – кивает Настя.

Она подходит к машине, кладет букет на заднее сиденье, затем что-то говорит водителю и идет к монастырю, на ходу доставая из сумки платок и повязывая его на голову.

СЦЕНА 68. МОНАСТЫРЬ. ИНТЕРНАТ. ДВОР. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Настя подходит к большой настенной иконе, висящей на внешней стене монастыря, под навесом. Там, как всегда, горят лампадки и свечи. Лежат цветы.

Настя стоит возле иконы, осеняет себя крестным знаменем, затем идет дальше ко входу в монастырь. Но неожиданно останавливается, задумавшись. Медленно снимает с головы платок, стоит так какое время, словно никак не может решить – идти ей в монастырь, или нет. Наконец, поворачивается и идет обратно...

Две монахини, подметающие у входа аллеи, удивленно смотрят ей вслед.

СЦЕНА 71. УЛИЦЫ БЕЛОДОНСКА. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Настя неожиданно вышла на шумную торговую площадь. Здесь было много небольших магазинчиков, ларьков, палаток, кафе и закусочных. Настя с интересом разглядывала прилавки, витрины. Она купила себе хот-дог, такой вкусный, как ей показалось, и с наслаждением поглощала его на ходу.

Она остановилась у витрины музыкального магазинчика, за стеклом были выставлены альбомы популярных музыкантов. Её внимание привлекла песня, доносившаяся изнутри. Она прислушалась, постояла, пошла дальше, но потом вернулась. Вошла в магазин.

СЦЕНА 72. МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИН. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Внутри было всего несколько покупателей. Девушка-продавец разговаривала с ними как со старыми знакомыми, обсуждая каких-то общих друзей. Настя подошла к прилавку, надеясь узнать, что это за песня такая звучит, которая ей так нравится, и можно ли купить этот альбом.

– Ой, – продавщица неожиданно посмотрела на часы, – мне уже сменяться пора.

И к своим приятелям: – Подождете меня? Я сейчас.

– Я ухожу, Андрей! – позвала она кого-то и направилась к двери во внутреннее помещение магазина. А оттуда вышел другой продавец... Молодой парень, почти ровесник Насти...

– Нравится? – вместо приветствия сказал он, обращаясь сразу к Насте, – Хотите купить?

– Да, да – пробормотала она, почему-то заливаясь краской и откашливаясь, не понимая, что с ней происходит. Ей показалось, что даже голос у нее пропал. Сомнений не было, это был именно тот юноша из хора, который когда-то так странно познакомился с ней.

– Да, мне очень. пожалуйста. – снова тихо сказала она, не отводя взгляда от лица Андрея. Он усмехнулся, по-своему расценив реакцию девушки, достал из-под стойки альбом и протянул Насте.

– О, – он показал пальцем, привлекая ее внимание, на динамик, откуда начала звучать другая песня с этого же диска, – а это наша последняя. Вот послушай.

Он как-то легко и по-товарищески перешел на ты, как, впрочем, и принято было в этом магазинчике среди молодежи.

Настя замерла. Все это сразу – и его лицо, которое почему-то произвело на нее такое впечатление, и эта музыка, почему-то попадающая ей прямо в сердце, нахлынуло какой-то горячей волной нежности, от которой у нее закружилась голова, и она, цепляясь за стойку, начала медленно сползать вниз.

– Эй, эй, ты чего? – испугался Андрей. – Тебе что, плохо?

Он тут же выбежал из-за стойки, поднял Настю, уже сидящую на полу и, прислонив ее к стене, чуть похлопал ее по щеке.

– Эй, что с тобой? Совсем плохо? Может, скорую вызвать? Чего такое?

– Нет, всё хорошо. Случайно. Не знаю, вдруг, закружилась голова. Сейчас пройдет, – бормотала она. – Сама не знаю.

– Так, всё ясно, – вдруг решительно сказал Андрей. – Тут рядом есть потрясающий турецкий кофе. От него все болезни проходят. Проверено. Идём туда. Я приглашаю. Ну?

СЦЕНА 73. КАФЕ-КОФЕЙНАЯ. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Толстый человек в декоративной феске нес поднос с кофе. Он подошел к столику, за которым уже сидели Настя и Андрей. Грациозно, почти совершая некий обряд, он разлил кофе в маленькие чашки.

– Миндаль и сладости – это от меня, – чуть улыбнулся он. – Презент девушке от заведения.

– Спасибо, – улыбнулась в ответ Настя. Подмигнув Андрею, кофейщик ушел.

– Тебя как зовут? Я даже не спросил... Извини...

– Настя.

– А я Андрей.

– Я это уже знаю.

– А ты вообще откуда? Городок у нас маленький, я вроде тебя никогда не видел. Хотя лицо очень знакомое.

– Я жила тут, но давно, – она замялась, – то есть, раньше. Сейчас на Севере.

– Ну? Я думал, ты из Москвы, если честно. Прикид у тебя такой. как с обложки журнала. Извини, может ты звезда какая-то? А я и не знаю. Глупости говорю, не обижайся.

– Я не обижаюсь. Это. – она замялась, – подруга дала поносить.

– Она дизайнер одежды, что ли?

– Что-то в этом роде.

– Везет кому-то с подругами. А ты сама чем занимаешься, тоже дизайнер?

– Нет. Я еще не решила. Наверное, займусь языками. Я знаю неплохо английский, французский.

– Ну, а я вот. подрабатываю в магазине. Пока. У нас там команда, все свои из группы. А ты что, наши песни не слышала раньше?

– Нет.

– Ну, вообще-то мы популярная группа. В нашем городке точно. Ты приходи на наш концерт. У нас теперь по субботам в ДК. Группа «Эверест».

– А ты музыку пишешь?

– Я? Нет. Я тексты. А музыку Сергей. Вообще-то я готовлюсь к поступлению в литинститут, в Москву. Пишу по ночам всякое-разное. Ребятам нравится. Говорят, почти гениально...

– А почему по ночам?

– У каждого писателя должны быть свои примочки. Ну, придурь, попросту. Это моя. Кстати, многие писали по ночам. Час волка.

– Что?

– Это так называется. Четыре утра – час волка. Самое мистическое время. Ночь кончилась – день еще не начался. Я обычно открываю окно, даже если зимой. Тихо так. Пишется легко, будто кто-то твоей рукой водит. Может и правда водит.

– Кто?

– Как, кто? Муза. Это второе обязательное условие, которое должно быть у писателя. Своя Биатриче. Своя вечная любовь, которая и вдохновляет, и, ну, в общем, всё. Об этом все великие писали, у всех была. Муза.

– А у тебя есть?

– У меня? – задумался Андрей. – У меня пока нет, наверное. Хотя, – он посмотрел на Настю, – может уже и есть. Я просто еще не знаю об этом.

СЦЕНА 74. УЛИЦЫ БЕЛОДОНСКА. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Настя и Андрей шли по улице, не торопясь, молчали. Они прошли мимо маленького кинотеатра, возле входа висели афиши:

– О, смотри, скоро ретроспектива Чаплина, все фильмы. Любишь Чаплина?

– Еще не знаю.

– Классный ответ, – хмыкнул он. – Круто!

Настя остановилась у перекрестка.

– Всё, дальше не надо меня провожать, я сама.

– Тебя ждет кто-то?

– Нет, просто. Потом объясню. в другой раз.

– А будет другой раз? – осторожно спросил Андрей, стараясь поймать ее взгляд.

– Если ты хочешь.

– Я очень хочу.

– Я тоже, – тихо сказала Настя.

– Тогда позвони. Или давай я позвоню... Ты, кстати, номер не оставила мне свой.

– Я сама позвоню.

– Когда?

Настя пожала плечами.

– Подожди. А хочешь с нами сегодня пойти вечером. Сегодня вся команда наша собирается у меня. У нас большой праздник.

– Какой?

– День рождения Че Гевары.

– Сегодня?

– Мы считаем, что сегодня. Придешь?

– Я позвоню. Если смогу.

Настя махнула рукой и быстро пошла по улочке, оглянувшись на перекрестке. Андрей так же стоял, словно ожидая ее взгляда.

СЦЕНА 75. ЧЕРДАК-СТУДИЯ АНДРЕЯ. ВЕЧЕР. (НОЧЬ) ОСЕНЬ.

Чердак, где жил Андрей, похоже, давно уже превратился в место постоянной тусовки продвинутой молодежи. Дверь на лестницу была почти всегда открыта – кто-то ходил постоянно туда-сюда, присоединялся к компании, включаясь в застолье, беседу, затем, так же, не

прощаясь, уходил. Это никого тут не удивляло. Поэтому Настя легко вписалась в компанию, сразу почувствовала себя среди друзей. Тем более что Андрей был все время рядом.

Компания вся сидела за длинным столом – в центре Сергей, длинноволосый парень с гитарой, он пел, конечно же, «Команданте Че Гевара» на испанском языке. Судя по тому, как активно все подпевали, эта песня была тут самой любимой, тем более что и повод был особенный – день рождения команданте. На стенах были развешены его портреты, вырезанные из журналов, горели свечи, какие-то гирлянды, много было на стенах всяких коллажей, арт-объектов.

Андрей разлил вино, бутылка опустела. Он взял другую, но она была не откупорена.

– Ты куда положил штопор? – тихо спросил он парня, сидящего напротив.

Тот кивнул в сторону кухни. Андрей пошел туда.

Неожиданно следом за ним вышла Альбина, девушка-продавец из музыкального магазина. Как только они оба оказались вне поля зрения компании, Альбина резко притянула Андрея к себе:

– Ну, что, амиго, буржуазных телок решил водить сюда?

– Что ты пристала? – опешил Андрей от ее напора. – Она нормальная девчонка. Наша... У нее просто подруга – дизайнер. Поэтому такой прикид. Ну?

– А машина тоже от подруги? – не успокаивалась Альбина.

– Какая машина?

– Ты не видел, на какой тачке она подкатила? Нет? А я видела. Тебе на такую за всю жизнь не заработать.

– Ну, может не было такси, машину поймала. Что такого? Ты что, вцепилась в нее, вообще? Ревнуешь что ли?

– На хрен мне тебя ревновать, придурок!

Альбина вышла из кухни, но затем вернулась и тихо добавила:

– Всё, амиго, я предупредила тебя.

Между тем, песня закончилась, кто-то включил тут же музыку, конечно же, это было фламенко. Две девушки начали сразу же отбивать каблуками ритм, причем, делали это весьма профессионально. Вся компания отбивала ритм ладонями, как это и принято делать во время танца. Кто-то не выдержал, вскочил, присоединился к танцующим, вызывая общий смех своей неуклюжестью.

Андрей разлил вино, затем осторожно потянул за руку Настю, кивнув ей.

Он повел ее в коридор, в конце которого находилась небольшая комната. Это был его кабинет – стол, полка с книгами, матрас на досках – подобие дивана. На столе, в декоративной чернильнице торчало гусиное перо.

– Здесь создаются шедевры, – отшутился Андрей, преувеличенно посерьезнев.

– На этом столе? – поддержала шутку Настя.

– На этом, мадемуазель, на этом. Другого нет. А вот это. – он подошел к окну, – и есть то самое окно, которое я открываю в четыре утра, в час волка. Через него входит Сумрак. Мы с ним беседуем, пока не начнет светать. Тогда он уходит. Я остаюсь один и ложусь спать.

– Красивый вид из окна. И высоко как.

– Самая высокая точка города. Ну, почти... Все-таки седьмой этаж...

Настя подошла совсем близко к окну, провела ладонью по стеклу, как это обычно делала раньше, потом прижалась лбом к холодному стеклу. Закрывает глаза.

Андрей с удивлением посмотрел на нее.

Настя через какое-то время, словно проснувшись, повернулась.

– Тут так хорошо. – тихо сказала она. – Будто я уже жила здесь когда-то.

Андрей подошел к ней, осторожно взял за плечи. Она не отвела глаза. Смотрела спокойно, но словно отрешенно, словно была не здесь. Он осторожно приблизился к ней, дотронулся губами до ее губ.

– Мне нужно идти. – сказала она тихо.

– Так рано?

– Я позвоню.

– Когда?

– Когда смогу.

– Позвони сегодня. в четыре утра. Сможешь?

Настя усмехнулась.

– Постараюсь.

– Подожди, – вдруг спохватился Андрей, взял диск, протянул его Насте. На обложке был виден портрет всех членов ансамбля.

– Возьми. Тут все новое. Еще даже не исполняли. У тебя есть на чем слушать?

– На чём что? – переспросила Настя, явно не понимая.

– Ясно. – Андрей протянул ей свой плеер. – Потом отдашь.

СЦЕНА 76. ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. ХОЛЛ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

Марина стоит у стойки ресепшн, оформляет какие-то бумаги, что-то выясняет с администратором. Заметив Настю, тут же бросается к ней.

– Настя, ну как так можно? Мы уже тут все с ума посходили. Ты где была?

– Гуляла. В центре.

– Ну, трубку, трубку почему не брала? Я звонила сто раз уже. Василий Михайлович ездил по городу, искал тебя.

– Может, не услышала...

Они подошли к лифту.

– Настя, – тихо сказала Марина, почему-то оглянувшись, – я все понимаю, я тоже хочу иногда и прогуляться, и побыть одна. Но есть же правила. А у тебя они особые, ты же знаешь.

– Всё можно, если разумно. – совсем тихо и доверительно добавила она. – Не знаешь, что ли, как это делается? Говоришь – шопинг. Это святое. Вошла в одну дверь в торговом центре, вышла в другую. Где ты дальше гуляла – никому не известно. Машина и охрана стоит у входа и ждет, три часа, шесть часов – сколько надо. Потом так же вернулась. Все довольны. И главное, всегда отвечай на звонки, иначе всполошатся, начнут искать. Ну? Ты слышишь меня?

Марина заглядывает в глаза Насте, пропуская ее в лифт.

– Да, да просто спать хочу.

– Ну ладно, иди, отдыхай. И мой совет – позвони сразу Михаилу Александровичу. Он уже звонил, спрашивал.

СЦЕНА 77. ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. НОМЕР НАСТИ. НОЧЬ. ОСЕНЬ.

В номере у Насти темно, свет выключен, отблески ночных городских огней проникают через шторы. Настя лежит на диване, свернувшись калачиком, не раздеваясь. Она не спит, думает о чем-то. У нее надеты наушники, рядом плеер. Настя переворачивается на другой бок, закрывает глаза, снова открывает. Затем садится. Смотрит на часы. Встает, подходит к окну, прикладывает лоб к холодному стеклу, закрывает глаза. Стоит так, чуть раскачиваясь, постанывая, как человек мучимый болью. Бормочет чуть слышно, то ли стонет, то ли молится – не разобрать, долетает только иногда невнятное:

– Ну что же мне делать. что.

СЦЕНА 78. ЧЕРДАК-СТУДИЯ АНДРЕЯ. НОЧЬ. ОСЕНЬ.

В кабинете Андрея тоже темно, он стоит у окна. Смотрит на ночное небо, далекие огни города внизу. Затем подходит к столу. Смотрит на часы. Снова возвращается к окну. Открывает его. Садится на подоконник, прислонившись спиной к стене.

Неожиданно раздается звонок. Андрей стремительно бросается к телефону.

– Да, да, – торопливо говорит он и потом, отдышавшись, – как хорошо...

– Что?

– Что ты позвонила.

Они оба замолчали, надолго, словно им достаточно было просто слышать дыхание друга друга.

СЦЕНА 77. (ПРОД.) ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. НОМЕР НАСТИ. НОЧЬ. ВЕСНА.

– Ты писал что-то?

– Нет. Я просто думал.

– О чем?

– О любви.

СЦЕНА 78. (ПРОД.) ЧЕРДАК-СТУДИЯ АНДРЕЯ. НОЧЬ. ОСЕНЬ.

– Я ведь столько раз читал об этом. Об этом столько написано. И как. Все писали о том, что это. ну, как удар молнии. Вспышка – и всё. Ты другой. и всё другое. Понимаешь, я думал, что это всё. ну, так, образы поэтические, что ли, короче, литература. А оказалось – нет. Это правда. И это так огромно. Это так. – он замолчал, затем вдруг сказал тихо, – кажется, сердце разорвется.

Он помолчал.

– Прости, что-то я. слишком пафосно говорю, да?

СЦЕНА 77. (ПРОД.) ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. НОМЕР НАСТИ. НОЧЬ. ОСЕНЬ.

Настя долго молчала, затем сказала как-то удивительно спокойно, словно помертвев:

– Нет. Я знаю. о чем ты. Это правда. кажется, будто сердце разорвется. да.

Они опять замолчали надолго.

СЦЕНА 78. (ПРОД.) ЧЕРДАК-СТУДИЯ АНДРЕЯ. НОЧЬ. ОСЕНЬ.

– Приезжай сейчас... Пожалуйста... – прервал молчание Андрей.

– Я приеду, – также спокойно сказала она.

СЦЕНА 79. ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. ХОЛЛ. НОЧЬ. ОСЕНЬ.

Сонный портье за стойкой ресепшн встрепенулся, услышав шаги в вестибюле. Он с удивлением посмотрел на Настю, но ничего не сказал.

Она вышла из гостиницы и села в такси.

СЦЕНА 80. ЧЕРНАЯ ЛЕСТНИЦА В ДОМЕ АНДРЕЯ. НОЧЬ. ОСЕНЬ.

Настя поднималась по лестнице, и лестница казалась ей бесконечной.

Она останавливалась, садилась на ступеньки, словно сомневаясь, надо ли идти ей дальше, выше. И с каждым пролетом ей становилось всё тяжелее и тяжелее подниматься, будто шла она на казнь, на свою Голгофу, и остановиться уже было нельзя, и сил не было нести эту тяжесть, эту муку принятого решения.

Она остановилась на последнем пролёте, села на ступеньки, закрыла глаза и снова начала покачивать головой, то ли постанывая, то ли молясь о чем-то.

Но тут открылась вверху дверь, вышел Андрей. Молча, ничего не говоря, он сбежал вниз, бережно взял ее на руки и понес наверх.

СЦЕНА 81. ЧЕРДАК-СТУДИЯ АНДРЕЯ. НОЧЬ. ОСЕНЬ.

Они стояли рядом, лицо к лицу. Они как слепые, закрыв глаза, дотрагивались кончиками пальцев до глаз, губ, плеч друг друга, словно изучая, словно не веря тому чуду, которое произошло – что они рядом, и теперь можно слышать даже дыхание друг друга.

– Только не надо ничего больше. Только так, только так. – повторяла Настя шепотом, – . прошу тебя. пожалуйста. Ничего больше.

– Но почему? Почему? – шептал он в ответ и его пальцы все настойчивее и настойчивее расстегивали молнии на ее платье, скользили по ее плечам. Пока, наконец, она не откинулась навзничь, издав мучительный гортанный стон, то ли от охватившей ее страсти, то ли от некоего ужаса, словно у падающего в бездну.

СЦЕНА 82. КОМБ.

Насте и вправду казалось, что она летит вдоль стены дома, падает плашмя, все ниже и ниже, не в силах что-либо сделать. Волосы развевались, ветер вздымал их высоко. Наконец – удар. Темнота. Но перед тем, почти на мгновение возникло лицо Андрея, совсем близко, почти касаясь, и все погрузилось в темноту.

СЦЕНА 83. ОСОБНЯК ОСТРОВОГО. ХОЛЛ. УТРО. ЗИМА.

Михаил Александрович завтракал, как всегда, в холле, как всегда, просматривая с утра какие-то бумаги. Вошел Николай, начальник охраны, подошел к столу. Кашлянул, привлекая к себе внимание. В руках у него был какой-то лист-распечатка.

– Чего тебе? – не поднимая глаз, спросил Михаил Александрович.

– Я не хотел вас будить ночью...

– А для чего надо было будить? – Михаил Александрович насторожился, внимательно посмотрел на Николая. – Чего тянешь? Говори. Что такое произошло особенное?

– Вы же сами просили, чтоб сразу, если информация. по Анастасии Сергеевне.

Михаил Александрович резко отодвинул тарелку с завтраком. Затем медленно, очень медленно снял салфетку, сложил её, только затем коротко сказал:

– Ну?

– Был телефонный звонок в четыре утра. Тут распечатка, – он протянул лист Михаилу Александровичу. – Потом она уехала. В номере не ночевала. Сейчас её в номере тоже нет.

Михаил Александрович внимательно прочел распечатку, положил на стол.

– Кто это?

Михаил Александрович встал, прошелся по холлу, продолжая держать в руках вилку, которую он медленно и равномерно начал закручивать в спираль.

– Пробиваем. Я подключил наших людей из местных. Пока известно, что обычный пацан, 20 лет, работает в магазине... Кто родители – не знаем пока. Выясним.

– В магазине, значит, – нехорошо ухмыльнулся Михаил Александрович, продолжая закручивать вилку. – Ай, да монашка. Монашка – промокашка.

Он повернулся к Николаю, странно посмотрел на него, словно не узнавая.

– Что стоишь?! Действуй! Давай машину, выезжаем!

СЦЕНА 84. ЧЕРДАК-СТУДИЯ АНДРЕЯ. ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

Настя сидела абсолютно голая, словно в прострации, на смятой постели. Сидела, похоже, уже давно. Она медленно подняла с пола свое белье, вроде собралась его одеть, но снова замерла надолго, продолжая держать его на коленях.

С кухни доносились звуки приготовления кофе.

– Настя! – позвал оттуда Андрей. – Все готово, вставай.

Андрей и Настя сидели на кухне, пили кофе.

– А что так темно? – вдруг спросила Настя испуганно.

– Так вечер уже. Ты так крепко спала днем. Я не хотел будить... Подожди, – вдруг спохватился Андрей. – У меня же где-то сыр был, хочешь?

– Не надо. Правда, не хочу.

Замолчали. Похоже, Андрей о чем-то хотел спросить, но никак не решался.

– Ты всё время что-то не договариваешь, я же вижу. – начал он осторожно.

Настя не ответила.

– Скажи, ты замужем? – наконец, произнес он.

Настя кивнула.

Они замолчали, надолго.

– Давай ты переедешь ко мне, прямо сегодня, а?.. В конце концов, люди разводятся, разъезжаются – что тут такого. Я могу встретиться с ним, всё объяснить. Хочешь, я встречусь с ним?

– Не надо! Не надо этого. – вдруг резко сказала она, затем, подумав, добавила: – Я сама. Попробую.

Настя помрачнела, словно тень прошла по лицу. Андрей заметил это.

– Ты что, боишься его? Он что, такой крутой? Нет, ты скажи... Если что, мы соберем наших ребят, нашу команду. Никто не тронет тебя, будь уверена.

Настя молчит, смотрит перед собой, словно не слышит, словно думает о чем-то другом. Машинально кивает.

– Мне нужно идти, – говорит Настя совсем потерянно, встает, но замирает, остановившись, снова садится.

– Что-то мне. – бормочет она, словно сама удивляясь тому непонятному, что происходит с ней.

– Что с тобой? – Андрей наклонился к ней.

– Не знаю. Как-то. не пойму.

Настя тяжело выдыхает, встает. Идет в темную прихожую.

Она подходит к входной двери, нащупывает в темноте свое пальто. Но не надевает его, а почему-то снова бессильно опускается на какой-то сундук, стоящий у входа.

Станным движением руки она водит возле горла, груди словно пытаясь избавиться от какой-то боли, мучающей ее.

– Что? Плохо тебе, что ли? – топчется в растерянности Андрей. – Давай воды принесу.

– Не надо воды! Ничего не надо. не надо.

Настя вдруг начинает плакать, судорожно, будто задыхаясь.

– Да что с тобой? Настя? – Андрей встряхивает ее за плечи.

– Страшно мне. Страшно очень. – шепчет она.

– Что страшно? Чего ты боишься?

– Я чувствую, понимаешь?.. Чувствую. Что-то случится. Непоправимое. Ужасное. С тобой случится! С тобой!. Предчувствие какое-то, что ли. Не могу понять. Но я это вижу! Как будто это рядом совсем. вот тут.

– Все! Замолчи! – перебивает ее Андрей и крепко прижимает ее к себе. – Все, все, все. Ничего этого нет. Приснилось. Ну?.. Забудь!.. Мало ли что приснится. Ты прям, как моя бабушка. У нее тоже – сплошные предчувствия, страхи. Я ей в таких случаях рюмку водки

даю. Помогает. Ну, успокойся. Я ведь рядом. Я тебя безумно люблю. Ты для меня судьба. Все сложится. Все разрешится. Вот увидишь. Успокойся. Ну?

Он бережно стирает ладонью слезы с ее щек. Улыбается.

Настя улыбается тоже.

– Не бойся, ничего не бойся. Хорошо?

Настя кивает.

СЦЕНА 85. УЛИЦЫ БЕЛОДОНСКА. ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

Настя шла по улице то быстро, то очень медленно, будто обессилев, будто человек, мучимый какой-то болезнью, или какой-то мыслью, загадкой, которую она никак не могла решить.

СЦЕНА 86. ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

Был уже поздний вечер, зажгались огни. Настя перешла площадь, подошла к гостинице и направилась ко входу, но почему-то остановилась. Постояла в раздумье, затем вернулась назад. Села на ступеньки.

Неожиданно на площадь выехал лимузин в сопровождении двух джипов.

Машины лихо затормозили у входа. Тут же распахнулись дверцы, появились охранники, Николай. Потом из лимузина вышел Островой. Он шел прямо к Насте и улыбался, очень приветливо.

– Вот сюрприз! – радостно воскликнул он, обращаясь к Николаю. – Нас встречают... Это сюрприз!

Михаил Александрович подошел к Насте, наклонился к ней.

– А чего сидишь здесь, Золушка? – вроде как пошутил он, но глаза были холодные, злые.

– Мне надо поговорить с вами.

– Что, прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

Настя встала.

– Поговорить? Ну, говори.

– Отпустите меня! – выдохнула Настя.

– Куда отпустить? – опешил Михаил Александрович.

– Никуда. Вообще. Отпустите. Я вам все деньги отдам за операцию. За все, что вы потратили на меня. Я буду работать. Все отдам. Обещаю! Пожалуйста. Но только отпустите! Христом Богом молю. Будьте милосердны. Вам Бог вернет за доброту вашу. Отпустите!.. Я. я не могу больше быть с вами. Совсем не могу. Я люблю другого человека.

Михаил Александрович изучающее смотрел на нее, словно видя впервые.

– Гм... Интересно... Интересная тема... Перед свадьбой... А? Ну, что ж, пойдем, поговорим. Обсудим.

СЦЕНА 87. ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. ХОЛЛ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

Он тащил ее за волосы, намотав их на руку, не давая ей подняться. Она волочилась за ним по полу вестибюля, отталкиваясь ногами, цепляясь руками за его руку, чтобы не было так больно. Охранники шли по бокам, отпихивая застывших в столбняке постояльцев и персонал. При этом, Михаил Александрович все так же улыбался, поглядывая по сторонам, словно раскланиваясь.

Он отдельно улыбнулся администратору на ресепшн и спросил ее громко, как ни в чем не бывало:

– А какой номер у нас?

– Три. тридцать седьмой, – пролепетала ошеломленная администраторша.

Михаил Александрович направился к лифту, но не стал ждать, а потащил Настю, так же волоком, по лестнице наверх.

СЦЕНА 88. ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. НОМЕР ОСТРОВОГО. НОЧЬ. ОСЕНЬ.

В огромном трехкомнатном номере темно. Шторы везде плотно закрыты.

Распахивается дверь от удара ноги. Островой втаскивает Настю в номер и тут же бросает ее на пол. Она тихо стонет, всхлипывая.

Ничего не говоря, Михаил Александрович начинает ходить вокруг нее кругами. Когда он проходит сзади, она невольно вжимает голову в плечи, словно ожидая удара.

Наконец, он остановился, наклонился к Насте, заглядывая ей в глаза.

– Еще раз мне скажешь такое, – процедил он, – я с тебя, сука, шкуру спущу. Поняла?.. И запомни, ты будешь со мной столько, сколько мне надо, а не тебе. Пока не надоешь. Пять лет, десять. не важно. Вот так-то!.. Все, иди приведи себя в порядок. И чтоб завтра свеженькая была. Как новая!.. И чтоб улыбалась! Улыбалась на свадьбе! Чтоб все видели твоё счастье! Чтоб глазки сияли!.. Зрячие глазки, которые я тебе подарил! Ясно?!

Михаил Александрович вышел из номера, резко захлопнув дверь.

Но тут же вернулся.

– А что касается пацана этого, – он чуть понизил голос, – с которым ты трахалась вчера ночью... Так об этом еще поговорим... Будет разговор! Утром, я думаю. Так-то!

Михаил Александрович быстро ушел, снова резко захлопнув дверь.

СЦЕНА 89. ВХОД В ГОСТИНИЦУ. РАННЕЕ УТРО. ОСЕНЬ.

Утренний полумрак. Коммунальный служащий в спецодежде подметает листья вдоль поребрика. Вокруг никого нет. Ко входу в гостиницу подъезжает машина. Из нее выходит Николай, быстро направляется к стеклянным дверям, но останавливается на ступеньках. Достает телефон, набирает какой-то номер.

СЦЕНА 90. ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. НОМЕР ОСТРОВОГО И КОРИДОР. РАННЕЕ УТРО, ОСЕНЬ.

Михаил Александрович спал не раздеваясь, в кабинете, на узком диване.

Он вздрогнул от звонка телефона, не сразу проснулся. Резко сел, посмотрел на дисплей, взял трубку.

– Да, Николай. Ничего. Уже проснулся. А который сейчас час? Утро уже, что ли?.. Понятно. Да. Поднимайся. Сейчас выйду.

Михаил Александрович тяжело поднялся, прошел через полутемный холл номера, подошел к двери, вышел в коридор. Там уже слышны были шаги, потом появился Николай.

– Ну, всё. – прошептал он, подходя ближе. – Ну, значит, передоз наркотиков. Выпал из окна. Уже всё запротоколировали – менты, скорая. Всё путем. Даже свидетели нашлись.

– Какие еще свидетели?

– А он окно открывал ночью, сидел на окне. Придурь такая. Соседи видели. Так что всё чисто.

– Чисто. – машинально повторил за ним Михаил Александрович, словно думая о чем-то другом. – Ладно. Иди.

Михаил Александрович вернулся в номер. Он направился к себе в кабинет, но заметил огонек сквозь приоткрытую дверь в спальню. Постоял, подумал, пошел туда.

Настя сидела на кровати, словно окаменевшая, не двигаясь, глядя куда-то перед собой в темноту. Рядом с ней на тумбочке горела свечка, стояла иконка.

Михаил Александрович тихо подошел, сел напротив, на соседнюю кровать.

Их лица теперь были совсем близко друг к другу, поэтому он спросил шепотом:

– Ты что, так и сидела всю ночь? Не спала?

Настя кивнула. Молчали. В тишине догорала, потрескивая свечка.

– Отпустите меня, пожалуйста, Христом Богом молю... Отпустите... – вдруг прошептала она.

– К нему хочешь? – все так же шепотом спросил Михаил Александрович. Вдохнул. – Так нет его уже. Умер.

– Кто умер?

– Пацан твой. Как там его. Андрей, что ли.

– Как умер? Вы что такое говорите?

– Умер, девочка. Он наркоманом был, оказывается. Под наркотой. и выпал из окна. Сегодня ночью. Такой вот, несчастный случай.

– Вы что, убили его? Убили?! – вздрогнула Настя.

– Я? Нет. Я не убивал его.

Михаил Александрович наклонился к Насте.

– Запомни. Это ты убила его.

– Я? Как это я?

– Когда раздвинула ноги, вот тогда и убила. Раздвинула и убила. Все просто.

– Я не верю вам! – вдруг выкрикнула Настя. – Вы врете всё, врете, врете!

Она вскочила, бросила в прихожую, начала хватать свои вещи, путаясь в них.

Михаил Александрович так же продолжал сидеть, почти безразлично глядя перед собой, казалось, он ничего и не замечал.

Слышно было, как Настя выбежала из номера, ее каблуки застучали по пустому коридору.

Тогда Михаил Александрович взял телефон и набрал какой-то номер.

– Пропусти её, – сухо сказал он в трубку, – только проследи, чтоб без эксцессов... и забери ее потом... оттуда...

СЦЕНА 91. ДВОР ВОЗЛЕ ДОМА АНДРЕЯ. УТРО. ОСЕНЬ.

Весь двор был заполнен молодежью. Толпились группами, многие были с цветами, девушки плакали. Настя бесцельно проталкивалась среди людей, подходила то к одному месту, то к другому. Все обсуждали ужасную новость. Многие выпивали тут же, пили «из горла», передавая бутылку друг другу.

– Что ты несешь, придурок! Не был он наркоманом, я это точно знаю! – сквозь слезы кричала девушка на какого-то парня. – Кто тебе сказал, кто? Что ты вообще знаешь об этом.

Парень, растерявшись от ее напора, что-то неуверенно возразил.

Откуда-то доносилась музыка, одна из песен группы «Эверест».

Настя, наконец, поняла, что музыка доносится из подъезда. Она пошла туда.

СЦЕНА 91-А. ЛЕСТНИЦА В ДОМЕ АНДРЕЯ. УТРО. ОСЕНЬ.

Лестница была заполнена молодежью. Вокруг курили, пили, спорили. Сидели прямо на ступеньках, толпились на площадках. Сизый дым как туман висел в воздухе.

Проталкиваясь среди сидящих на ступеньках, Настя поднималась вверх.

Музыка звучала оттуда. Там, возле раскрытых настежь дверей студии-чердака, стоял большой динамик, висел портрет Андрея. Похоже, снята фотография была на концерте. Андрей был с гитарой, возле микрофона. Там же на площадке ребята из группы Андрея устанавливали второй динамик, проверяли звук. Рядом на тумбе лежала гора цветов. К ней добавлялись все время новые, их передавали снизу. Альбина принимала их, укладывала.

Настя нашла себе место у стены, села на ступеньки, согревая ладони губами, не зная, что делать, куда идти.

Мимо нее ходили люди, задевая ее, но она ни на что не обращала внимания. Через какое-то время перед ней возникла большая тень. Она не уходила. Человек потрогал ее за плечо. Настя подняла глаза. Это был Николай. Он ничего не говорил, просто стоял рядом. Ждал. Через какое-то время он постучал выразительно пальцем по циферблату своих часов, но и так было понятно, для чего он тут.

СЦЕНА 95. ХОЛЛ ГОСТИНИЦЫ, ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

В просторном вестибюле гостиницы шла подготовка к началу свадебного шествия. Организатор мероприятия суетился среди девушек-барабанщиц, выталкивая их на улицу:

– Всё, всё, девочки! Пошли, выходим! Ничего не холодно, потерпим. Уже начинаем. Все на улицу!

Сквозь раскрытую дверь гостиницы видна была карета у входа, запряженная четверкой лошадей, какой-то оркестр, все в белом, как и барабанщицы.

СЦЕНА 96. ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ГОСТИНИЦЕЙ, ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Подъезжали другие автобусы с участниками шествия. Из одного из них выгрузили невероятно длинный шлейф, предназначенный для платья невесты. Активная дама, похоже, учительница, объясняла детям, как надо его нести. Все смеялись, дети шалили, всем было очень весело. Выгружали свою технику телевизионщики, расставляя камеры.

СЦЕНА 97. ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. НОМЕР ОСТРОВОГО. ДЕНЬ.

В номере было темно, шторы закрывали окна. На столике у стены горела, мигая свечка, рядом стояла иконка. На полу, распластавшись крестом, лежала Настя. Шепот мучительной надрывной молитвы, похожей на стон, на вопль, разносился в пустом пространстве. Настя раскачивалась истово, словно безумная, она каталась по полу, она била по нему кулаками, будто требуя какого-то ответа, от кого-то... Сквозь стон и бессвязный шепот доносилось только:

– Почему? Что мне делать? Скажи, научи. Пресвятая Богородица! Матушка Матрона!.. Ну, помогите мне! Научите меня, грешную. Как мне быть? Что делать? Все приму, все, что скажете. но только научите меня. Помогите мне. – стонала Настя и снова молилась, безудержно кладя земные поклоны.

СЦЕНА 98. ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. ПОМЕЩЕНИЕ С ЗЕРКАЛАМИ. ДЕНЬ.

Михаил Александрович примерял бабочку. Одет он был уже в смокинг, с традиционным цветком в петлице. Рядом с ним суетились две женщины, отвечающие за внешний вид новобрачных. Все это происходило в небольшом помещении с зеркалами, столы были завалены одеждой, похоже, здесь одевались и участники шествия.

Бабочки, все, которые он примерял, не нравились Михаилу Александровичу, и он раздраженно возвращал их женщинам.

– Душно как тут у вас, хоть бы форточку открыли, – недовольно пробормотал он, освобождая шею от тугой петли завязки.

– Сейчас, сейчас, потерпите, – приговаривали женщины. – Вот эту еще попробуйте. Эта точно подойдет...

Наконец, одна из бабочек, вроде как, устроила его, или просто все это ему надоело, и он, махнув рукой, дескать, сойдет, направился к выходу.

– А как же Анастасия Сергеевна? Сама оденется, или мне помочь? – некстати спросила одна из женщин. Вторая тут же цыкнула на нее. Но Михаил Александрович услышал, повернулся, вроде собираясь ответить, но на мгновение задумался.

– Сейчас. подождите, – буркнул он и вышел из комнаты.

СЦЕНА 99. ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. КОРИДОР И НОМЕР ОСТРОВОГО. ДЕНЬ.

Он прошел по коридору, подошел к своему номеру. Замер в нерешительности. Подергал ручку. Дверь была открыта. Он вошел.

В центральной комнате апартаментов было очень темно, шторы были плотно закрыты.

На столе лежало, аккуратно разложенное свадебное платье и фата. Понятно, что Настя еще даже не начинала одеваться.

Дверь в комнату – кабинет была открыта. Дверь в спальню была закрыта. Он подошел к ней. Стоял у двери, раздумывая, что ему предпринять. Молчал. Нажал на ручку – дверь не открылась. Она была заперта. Михаил Александрович достал фляжку, отхлебнул, снова замер в раздумье. Затем осторожно постучал. Подождал. Ответа не было.

– Настя... – произнес он тихо, – послушай, что я скажу... Давай договоримся. Забудем об этом, обо всем. Ну? Как не было. Плюнуть и забыть. Я вспоминать не буду. Обещаю. И ты не вспоминай. Если честно. у каждого может такое случиться. Да, хоть и у меня. Тем более, если по пьянке – чего не бывает.

И что же, после этого жизнь себе ломать? Да ни за что!.. Плюнуть и забыть. И все дела. А семья, отношения – это святое, это трогать нельзя. Так что давай – забудем и все. Жизнь есть жизнь, Настя. Пора становиться взрослой. Помни – кто ты теперь и на каком троне сидишь. Вот это важно. А остальное все – сегодня помнишь, завтра забудешь. Хочешь, поедем на Лазурный берег, в Монако. В Сан-Тропе. Райские места. Море, солнце, лучшие бутики мира. Кстати, мою яхту увидишь. Ну, все, давай спускайся, платье надень. Люди ждут.

Михаил Александрович вышел из номера, плотно закрыл за собой дверь.

СЦЕНА 100. ХОЛЛ ГОСТИНИЦЫ, ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Организатор шествия проталкивался деловито среди участников шествия, толпившихся в вестибюле, бросая на ходу:

– Сейчас, сейчас, уже начинаем, не расходитесь. В группы построитесь, как я сказал. Не расходитесь!

СЦЕНА 101. ГОСТИНИЦА, ГОСТИНАЯ. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Михаил Александрович сидел в отдельном помещении, своего рода, гостиной, в окружении своих помощников и охраны. Здесь была полутьма и тишина. Перед ним стояла бутылка коньяка и рюмка.

Организатор, подобострастно склонившись, подошел к месту, где сидел Островой, остановился, дабы попасть ему в поле зрения.

– Михаил Александрович, извините, если отвлекаю. Губернатор уже подъехал к дворцу, только что звонили. Все готово. Можно начинать.

Михаил Александрович посмотрел на организатора, ничего не сказал, затем снова медленно наполнил рюмку.

– Извините, – не понятно кому пробормотал Организатор и отошел в сторону.

Михаил Александрович тяжелым взглядом обвел помещение, поморщился, встал и пьяно ступая, направился к стойке бара, но там никого не было, тогда он направился в служебное помещение, небольшую кладовку поблизости. Охрана тоже было направилась за ним, но он сделал небрежный недовольный жест рукой, и они вернулись на место.

СЦЕНА 102. ГОСТИНИЦА, СЛУЖЕБНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ, ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

В служебном помещении было полутемно, мигала синим светом сломанная ртутная лампа, издавая зудящий неприятный и однообразный звук. Вдоль стен и на полках стояли ящики с питьевой водой. В глубине помещения суетился молодой портье, переставляя ящики.

Михаил Александрович угрюмо уставился на него.

Тот вытянулся подобострастно.

– Водички... дай мне, – Михаил Александрович чуть поморщился, провел рукой по груди, словно нащупывая свою боль.

– Вам с газом, без? – засуетился Портье, достал из-под стойки бутылку, открыл ее, налил воду в стакан.

– Нехорошо вам, Михаил Александрович? – участливо спросил он.

– Нехорошо, нехорошо. – задумчиво произнес Островой, глотая воду, и почему-то чуть скашивая глаза назад, будто кто-то стоял там, у него за спиной, а он никак не мог разглядеть – кто это.

Оба молчали. Михаил Александрович медленно пил воду, глядя куда-то в пустоту, но неожиданно, словно очнувшись, внимательно посмотрел на Портье, склонился к нему и очень тихо сказал:

– Ты не чувствуешь?.. В воздухе что-то висит. такое. Что-то происходит. Не чувствуешь?.. Нехорошо как-то все. нехорошо.

Михаил Александрович снова провел болезненно рукой по своей груди.

– Так это. магнитная буря сегодня, по телевизору говорили, – почему-то тоже перешел на шепот Портье.

– Буря? – Островой усмехнулся. – Буря, значит... Может и буря.

Михаил Александрович заметил бумажную иконку царя Николая II на стене. Усмехнулся какой-то своей мысли.

– Что, царя любишь? – спросил он. – Тебя, вообще, как зовут?

– Василий, – пробормотал паренек. – А царя, правда, я очень уважаю. Считаю, так лучше, когда царь.

– И в церковь ходишь?

– Хожу, бывает. редко, конечно.

– Это правильно, что редко. Чего тебе там делать? Тебе не Бог нужен, тебе нужен царь. Ага. Но только не такой как этот, – Михаил Александрович кивнул на иконку, – а другой. Тот, о котором еще сто лет назад сказано было.

Михаил Александрович на секунду задумался, затем, хитро улыбаясь, предчувствуя сюрприз, порылся в кармане пиджака, достал оттуда бумажник, а из него – четверо сложенный листок, похоже, вырезанный из глянцевого журнала – на обратной стороне читались остатки какой-то рекламы.

Михаил Александрович торжественно разгладил листок, вглядываясь в стершиеся буквы.

– Это стихи, я их в журнале вырезал, – пояснил он. – Вот.

Кто ж он, народный смиритель?

Темен, и зол, и свиреп:

Инок у входа в обитель

Видел его – и ослеп.

Он к неизведанным безднам

Гонит людей, как стада.

Посохом гонит железным. —

Боже! Бежим от Суда!

— от суда, вот ведь. – повторил он удивленно, словно пробуя на вкус это слово. Затем посмотрел на Василия, застывшего в полной растерянности и недоумении. Усмехнулся.

– Вот такой царь тебе и нужен, Василий. Вот таким царем. я и буду.

– Только никому не говори, – шутливо погрозив пальцем, добавил он.

И уже в дверях, выходя из каморки, оглянулся и очень тихо сказал:

– Ты вообще запомни этот день, Вася. Ты сегодня царя видел... Будешь деткам потом рассказывать.

СЦЕНА 103. ГОСТИНИЦА, ГОСТИНАЯ. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

Михаил Александрович вернулся в гостиную и тяжело направился к своему креслу в углу.

– Марина! – вдруг резко позвал он.

Марина тут же появилась рядом.

Михаил Александрович, склонившись к ней, тихо сказал:

– Ну, где же она, в конце концов?

– Одевается, наверно.

– А ты что стоишь?! Пойди, поторопи. Сколько можно?

– Сейчас.

Марина быстро пошла к лифту.

СЦЕНА 104. ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. ДЕНЬ.

Выйдя из лифта, Марина решительно прошла по коридору, подошла к номеру, постучала. Ответа не было. Подергала ручку. Дверь открылась.

Марина вошла в номер, закрыв за собой дверь.

СЦЕНА 105. ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. НОМЕР ОСТРОВОГО. ДЕНЬ.

Марина с удивлением огляделась. В номере было темно, шторы все так же закрывали окна.

– Настя, – тихо позвала Марина. – Ты где? Ты почему не спускаешься? Все ждут.

Марина заметила мерцающий огонек из спальни, дверь туда была полуоткрыта. Она шагнула туда.

Настя сидела у столика, спиной к Марине. Перед ней горела свечка, рядом стояла иконка.

Настя была в свадебном платье, с головы спускалась фата.

На столике почему-то лежали ножницы, с окровавленными, как казалось, концами.

Она не оглянулась на шаги Марины. Сидела, не шевелясь. Что-то было очень неестественное в ее фигуре, неживое. Словно это был застывший, окаменевший труп.

– Настя, – растерянно и испуганно повторила Марина почему-то шепотом, приближаясь к ней. – Что с тобой? Что ты молчишь? Что...

Медленно, очень медленно Настя повернулась.

Марина увидела лицо с выколотыми глазами, черными от сохшейся крови глазницами, с кровавыми подтеками по щекам, среди которых даже угадывались остатки сетчатки. На этом застывшем, словно мертвом, лице, выделялась улыбка неподвижных неживых губ.

– Больно. очень больно. – прошептала Настя.

СЦЕНА 106. ГОСТИНИЦА В БЕЛОДОНСКЕ. ДЕНЬ.

Жуткий крик раздался в коридоре гостиницы. Марина выбежала из номера и бросилась бегом вниз по лестнице, не переставая кричать, надрывно, истошно.

СЦЕНА 107. ВХОД В ГОСТИНИЦУ. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

... Крик был такой силы, что люди на площади, у входа в гостиницу оглянулись на раскрытые двери, на верхние этажи.

СЦЕНА 108. ГОСТИНИЦА, ГОСТИНАЯ. ДЕНЬ. ОСЕНЬ.

... Замедленно, выпрямившись, оглянулся на этот крик и Островой.

СЦЕНА 109. ВХОД В ГОСТИНИЦУ. ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

У входа в гостиницу стоит скорая помощь. Возле нее стоят два санитары, оба в халатах. Курят. Вокруг пусто, никого нет. Валяются какие-то обертки, лопнувшие шарики, обрывки гирлянд. Моросит дождь.

Из дверей гостиницы появляется врач с какими-то бумагами в руках, просматривая их на ходу. Уже почти подойдя к машине, он останавливается, идет обратно, видно забыл что-то.

Ему навстречу из дверей выходит Администратор. У него в руках бумага, похоже, та, что искал врач. Он отдает бумагу, что-то еще говорит и возвращается в гостиницу.

Врач и санитары садятся в машину, и она уезжает.

Из дверей выходит швейцар, широко открывает дверь и продолжает так ее держать, ожидая кого-то.

Из дверей медленно выходит Настя, ее глаза заклеены перевязкой. Швейцар ставит рядом с ней чемодан, кладет ее руку на ручку и уходит.

Настя осторожно ногой нащупывает ступеньку и спускается на площадь.

СЦЕНА 110. УЛИЦЫ БЕЛОДОНСКА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

Она шла по улице, почему-то по той самой, по которой они шли совсем недавно с Андреем. Следом за собой она волочила чемодан, из которого сквозь неплотно закрытую крышку свешивалась какая-то тряпка... Другой рукой она дотрагивалась кончиками пальцев до стены, определяя, как она всегда умела делать раньше, направление.

Моросил дождь. Она прошла мимо кинотеатра, где висели афиши ретроспективы великого Чаплина.

Ее рука невольно коснулась афиши «Огней большого города», проскользила по ней и оставила еле заметный след.

Настя сделала шаг, другой и не торопясь продолжила свой путь.

СЦЕНА 110-А. УЛИЦЫ БЕЛОДОНСКА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

Настя шла вдоль бесконечной ограды парка. Ее рука скользила по мокрым от дождя прутьям ограды.

СЦЕНА 111. ДВОР ИНТЕРНАТА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

Она легко нашла ворота интерната, потому что знала эту дорогу хорошо, затем аллею, ведущую ко входу в здание.

Она открыла дверь и вошла вовнутрь.

СЦЕНА 112. ИНТЕРНАТ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. ОСЕНЬ.

Здесь было пусто, ни души. Одиноко белели в темноте приспособления для ремонта, оставленные мастерами. Настя прошла по пустому коридору, вдоль столовой, свернула направо, подошла к комнате, в которой жила раньше. Тут уже было ей все знакомо. Она подошла к своей койке, поставила чемодан рядом, погладила выщербленную поверхность спинки кровати. Затем подошла к окну. Нашупала табуретку, которая всегда стояла у окна, села.

Настя провела ладонью, затем прижалась лбом к холодному стеклу. Она сидела так долго, очень долго... Однообразно шумел по окнам дождь. Где-то далеко, в монастыре ударил колокол. Затем еще и еще раз. Звонили к вечерней службе.

СЦЕНА 113. ДВОР ИНТЕРНАТА. НОЧЬ. ОСЕНЬ. СОВМ С КОМБ.

Возле наружных дверей интерната горела лампа, раскачиваясь под ветром. Вокруг было темно. Дул сильный ветер и моросил дождь.

Створки дверей отворились, невидимая рука придерживала их, словно раздумывая, выходить ли в этот осенний мрак наружу, или нет.

Наконец, в проеме двери появилась фигура Насти. Осторожно ступая, она шагнула наружу, нащупала ногой поребрик, постояла какое-то время, но затем вместо того, чтобы идти дальше, вдруг опустилась на колени и двинулась так, на коленях, вдоль поребрика к монастырю.

Шаг, два шага, крестное знамение, поклон. И снова – шаг, два шага, крестное знамение, поклон.

Все дальше и дальше удалялась она в темноту, туда, где горел слабый свет свечей сквозь окна монастыря. Похоже, там шла служба, чуть слышно доносилось далекое пение. Темный силуэт фигуры удаляясь, постепенно слился с темнотой.

На фоне этого кадра идут заключительные титры.

КОНЕЦ ФИЛЬМА.

Пресса о фильме «Сквозь черное стекло»

...По режиссуре картина безупречна: это первый фильм Лопушанского, адресованный широкой аудитории, и дирижерское управление ее эмоциями максимально эффективно. Здесь одна из лучших работ Максима Суханова, который и в этом, кажется, однозначном образе способен показать его сложность и даже вызвать подобие сочувствия. Тем более что хорошо выписанная роль позволяет углубиться в такие материи, как шекспировы муки больной совести, соблазны и страхи безраздельной власти, трагическое ощущение обреченности всего этого мишурного всесия. Выразительна и в каждом кадре осмысленна работа оператора Дмитрия Масса: в самом воздухе фильма, по выражению героя, «что-то висит», в нем не утихают «магнитные бури». Наконец, открытая фильмом молодая актриса Василиса Денисова – событие в кино, у нее явно большое экранное будущее. «Сквозь черное стекло» – тот несчастный случай в кино, когда каждый зритель снимет свой смысловой слой фильма, от поверхностно мелодраматического, высекающего волнение и слезы, до глубинно мировоззренческого, заставляющего думать и спорить.

*Валерий Кичин. К премьере фильма «Сквозь черное стекло».
Российская газета, 01.11.19*

Фильм «Сквозь черное стекло», снятый гением русского кинематографа Константином Лопушанским, исключительно хорош, в каком бы аспекте его ни рассматривать. Исключением станут те, кто ищет легкого развлечения – здесь его не найти. Но все остальное – необычный сюжетный замысел, скрытые смыслы, последовательность событий, операторская работа, актерская игра – все это просто захватывает дух. Как человек, говорящий по-русски, я подозреваю, что довольно неплохо знаю, что происходит в русском киномире, но этот фильм – очевидный шедевр в ряду других удач русского кино последних лет... Это большая честь, что международная премьера фильма состоялась в Таллинне, на кинофестивале «Темные Ночи».

*Кристина Херодес,
Таллинн, газета «Постимеес», 30.11.2019*

...Фильм Лопушанского не забудешь. На нем стоит учить студентов, как строить кадр, ибо продуманная в каждой клеточке пластика ленты, запредельно отточенная неслучайность в построении каждой сцены и создает ту завораживающую магию, которая отличает фильмы режиссера. Магия эта сама по себе становится «маяком», внутренней опорой для погружения на экране в Мир Иной – тот, чьи духовные основы исповедует героиня...

...фильм остается произведением выдающимся. Ибо, как ни крути, а он потрясает. И запоминается от первого до последнего кадра.

*Александр Шпагин.
Проповедь. СК-Новости,
№ 10, 21.10.19*

Состоялся и показ нового фильма Константина Лопушанского «Сквозь черное стекло». Максим Суханов играет сильного мира сего, дарующего зрение слепой девушке из приюта (Василиса Денисова) в обмен на замужество. Диапазон мнений среди профессионалов разделился от «шедевра» до «не ахти», но в любом случае, очевидно, что эту картину (впрочем, как и любой другой фильм этого режиссера, одного из немногих, кого у нас можно с полным на то основанием назвать словом «культовый») надо увидеть.

Станислав Росточкий, газета КОММЕРСАНТЪ, № 138 от 06.08.2019

Кинокритик Леонид Павлючик уже отметил картину, которая привлекла на форуме его особое внимание:

«Запомните название: «Сквозь черное стекло». Это новый фильм Константина Лопушанского, который показали в Выборге на «Окне в Европу». Шедевр чистой кинематографической пробы. По сценарной завязке – едва ли не сериальное мыло: олигарх предлагает незрячей, ангельской внешности девушке операцию с условием, что она выйдет за него «вслепую» замуж. По внешней видимости – тонкая и точная психологическая мелодрама (драма) с безупречным сценарием самого Лопушанского, блестящей операторской работой Дмитрия Масса, грандиозными ролями Максима Суханова и дебютантки Василисы Денисовой. По глубинной внутренней сути – портрет русского капитализма, бессмысленного и беспощадного».

Мария Михайлова, журн. ТЕАТРАЛ, 04.08.19

...Радикальный жест Константина Лопушанского, адепта классического кинематографа, не склонного к аттракционам, впервые работающего с низкими жанрами, – это мощный хук, крещендо большого идеологического проекта. На мой взгляд, ни в одном из фильмов Лопушанский не достигал такого суггестивного эффекта эмоционально-волевой формы, как в «Сквозь черное стекло».

По сути, этот фильм – тотальная метафора нашей новой реальности, резко разделенной на два мира, богатых и бедных.

...Только постфактум оцениваешь смелость художника, решившегося на сильный гражданский поступок. По сути, это вызов обществу, которое даже не пытается осознать свою вульгарную буржуазность.

Елена Стишова. «Бритвой по глазам».
журн. ИСКУССТВО КИНО, 24.12.19

Картина Лопушанского. это кино – проверка для зрителей. Известно выражение Достоевского: *«дьявол борется с Богом, а поле битвы – человеческая душа»*. «Сквозь черное стекло» – про это. У нас в кино постоянно говорят про ерунду и очень редко про самое главное. Про то, что такое вера, про искушение, про то, что такое человек, в чем смысл жизни. Это кино говорит про самое важное и умное и при этом смотрится с неослабевающим интересом. Я уже не говорю о двух выдающихся актерских работах – Максима Суханова и дебютантки Василисы Денисовой... Лопушанский – признанный мастер, думающий человек

Санкт-Петербургские ведомости. 15.08.2019 г.

Культура. «Писатель Андрей Максимов о кинофестивале «Окно в Европу».

...В любом случае рад поздравить Константина Лопушанского с новым серьёзным завоеванием... и не могу не подчеркнуть роль продюсера (он же и композитор многих отечественных фильмов) Андрея Сигле, который не только самозабвенно предан своему делу, но и супер-профессионален.

Сергей Шолохов.

Аргументы Недели № 30 от 07.09.19

Я посмотрел в Питере (в общем, слава богу, я совершенно не обязан это скрывать) один из величайших фильмов последнего времени. Я посмотрел новый фильм Лопушанского, который пока называется «Сквозь черное стекло». Я думаю, что это рабочее название.

С одной стороны, это такая страшная святочная сказка, в которой очень простые лобовые приемы, простые и нехитрые коллизии, однозначные. ну, не плоские, конечно, но явные черные и белые герои. И вся история направлена – и метод её рассказывания, и способ конструирования этой вещи – все направлено на то, чтобы выбить любой ценой из зрителя нуж-

ную автору эмоцию. И он выбивает её ногами. Это очень грубо, жестко, страшно сделанная картина, которая у меня, а я, в общем, не так часто рыдаю, но она у меня вызвала настоящие неуправляемые рыдания.

...Но при всем при этом эта картина очень умная, потому что она опирается на такое количество отсылок, цитат прямых, параллелей, аналогий (иногда прямо в кадре они появляются), что это создает её второй слой. И ты тогда прощаешь автору жесткость его высказывания. Ты понимаешь, что он гораздо умнее этих лобовых приемов и сильнее. Эмоционально он работает очень грубо, но есть ещё могучий интеллектуальный подтекст в этом фильме, который и делает его великим.

...Ну, весь фильм о слепоте... может быть, слепота героини, в которой так прочитывается Россия, – это, может быть, ещё и её нежелание видеть последний ужас, нежелание видеть чудовищную реальность. И может быть, эта слепота – это признак некоторой святости («Инок у входа в обитель видел его – и ослеп»). Потому что есть вещи, которые нельзя видеть, не ослепнув, как это ни ужасно. Может быть, в этом смысле слепота, которая в конечном итоге выбрана, она оказывается высшей святостью.

Дмитрий Быков, «Эхо Москвы», 26 января 2018 г

Константин Лопушанский. неистовый представитель авторского кинематографа, режиссер фильмов «Письма мертвого человека», «Русская симфония», «Гадкие лебеди», «Роль», он неожиданно снял фильм, после которого самая разная публика не расходилась долго.

...Сценарий написан Константином Лопушанским. А снял картину – красиво и завораживающе – оператор Дмитрий Масс, сумевший сохранить приглушенность красок в восприятии мира прозревшей девушкой. Черное стекло никуда не денется, сквозь него она продолжит смотреть на жизнь. Незрячую героиню сыграла талантливая актриса и дебютантка в кино Василиса Денисова.

...жанр ложной мелодрамы позволил режиссеру выразить все то, что он думает о современном мире, где столпы общества никогда не найдут общего языка с народившимися новыми людьми, другим поколением, и это бьет сегодня в самую точку.

Светлана Хохрякова, газета «МК» 04.08.2019

На XXVII фестивале российского кино «Окно в Европу» состоялась премьера нового фильма Константина Лопушанского «Сквозь черное стекло».

...Отличительные черты фильма исключительно положительные – восхитительная работа с цветом, мастерски выстроенный свет и мощные актерские работы. Именно здесь состоялся кинодебют молодой театральной актрисы Василисы Денисовой, у которой получается создать образ богобоязненной и хрупкой Насти без малейшего грамма искусственности.

...Кризис веры, безбожные люди, мир в состоянии полураспада, невозможность исцеления и романтических отношений.

... анамнез болезни современной России – люди хотят верить в Бога, но на самом деле им нужен Царь.

Марат Шабаев,

Киноафиша, 4 августа 2019 г.

Преисподняя как узнаваемый образ: «Сквозь черное стекло» Константина Лопушанского

На только что прошедшем в Выборге кинофестивале «Окно в Европу» впервые показали новый фильм Константина Лопушанского «Сквозь черное стекло». Он был заявлен как «специальное событие» и стал им.

... Есть какая-то закономерность в том, что кино понравилось людям пишущим и ищущим – Виктору Ерофееву, Андрею Максимову, Дмитрию Быкову. «Я давно не получал такого впечатления от кино. Лопушанский использовал технологии самые грубые, но современного зрителя иначе не пробьешь. Как у Кушнера сказано: «Какими средствами простыми ты надрываешь сердце мне». И к концу фильма я рыдаю, и неудержимо. Эту картину ругать будут, как ничто. Но ругать будут, компенсируя свое впечатление. Ведь, когда вы получаете ожог, вы не можете не возненавидеть того, кто причинил вам боль», – так говорит Дмитрий Быков.

Но даже те, кто не принял картину, не могли не отметить кинодебют молодой театральной (и, между прочим, петербургской!) актрисы Василисы Денисовой, создавшей образ богобоязненной Насти. Невозможно отвести взгляда от ее широко распахнутых глаз, от ее удивительной, как у средневековых мадонн, пластики рук. Так что Выборгский фестиваль в любом случае выполнил свою главную миссию – открыл зрителю новое имя.

Елена Боброва.

«Петербургский дневник». 15.08.2019

Мой друг Максим Суханов сыграл настолько замечательно, что перекрыл все возможные другие комплименты. Роль олигарха по определению очень опасна, слишком легко скатиться в сторону пародии. И очень важно, что Максим, как действительно, большой актер, сумел вложить в свой образ много разных компонентов, и это все заиграло... И, конечно, не могу не отметить Василису Денисову. Она хоть и дебютантка, но не спасовала, играя рядом с Максимом, хотя он настолько мощный актер, что, конечно, мог увести все внимание зрителей на себя.

Виктор Ерофеев, писатель, интервью Елены Бобровой о фильме «Сквозь черное стекло», к/ф «Окно в Европу». 15.08.2019

... На этот раз Лопушанский снял саспенс-мелодраму «Сквозь черное стекло», которая в Выборге (на прошедшем кинофестивале «Окно в Европу» ее показали как «специальное событие») вызвала бурно-неоднозначную реакцию. Одни уже успели назвать фильм «выдающимся», другие «шедевром», но есть и третьи, категорически не принявшие картину. Для одних это политическая сатира, для других – философская притча. Водораздел на pro и contra идет не по социальному, не по интеллектуальному уровню. Писатель и телеведущий Андрей Максимов воспринял фильм как тест, проверку зрителей на сочувствие и способность думать о главных вещах. Сейчас фильм отправляется «тестировать» аудитории различных международных кинофестивалей, а в ноябре он откроет в Петербурге Культурный форум.

Елена Боброва, «Кроткая стала святой», Российская газета, 18.08.2019

... Отдельно стоит отметить то мужество, с каким дебютантка в кино Василиса Денисова не только претерпевает психологически сложные трансформации от слепоты к прозрению, но и вообще выдерживает сухановский натиск (моральный и физический), ни разу не потерявшись на фоне своего всемогущего партнера, сохраняя актерское достоинство и естественность реакций в ходе всевозможных унижений, которым подвергает оказавшуюся в его безраздельной власти кроткую девушку чудовище, не лишенное, однако, и своих слабых мест.

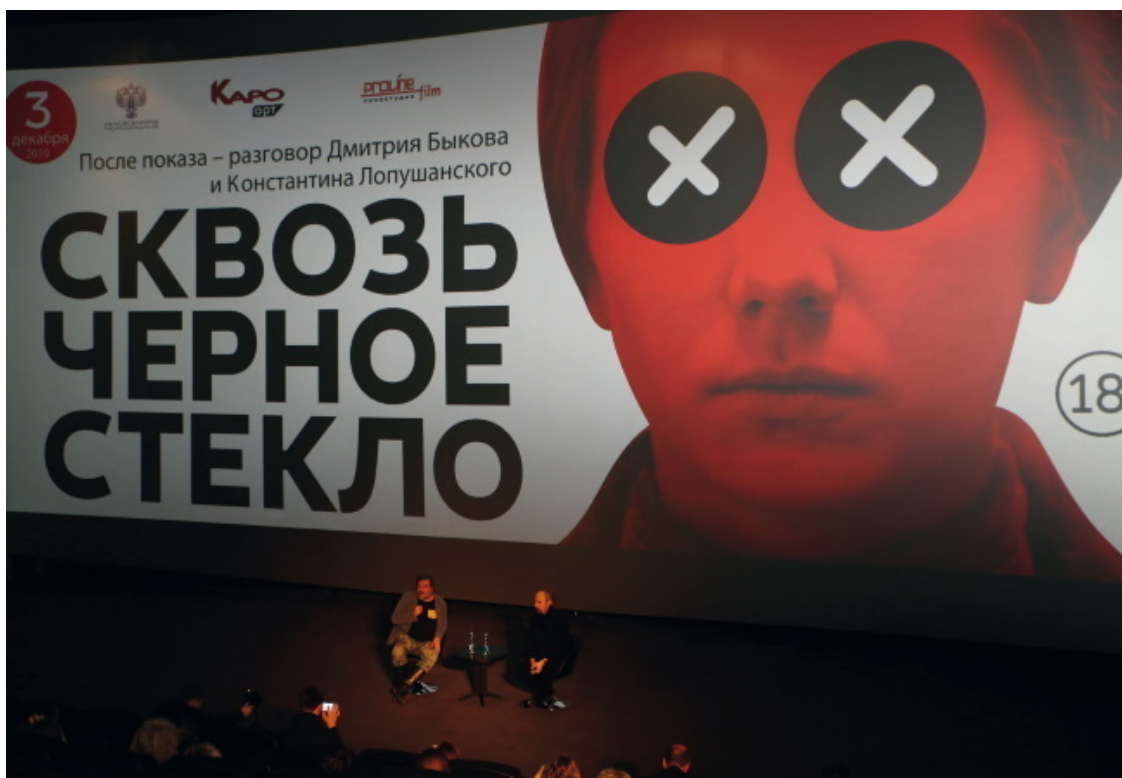
«Выборг-2019», Лидия Маслова,

СЕАНС, 6 авг. 2019 г

«Сквозь черное стекло» – важное кинематографическое событие национального масштаба, пожалуй, не меньшее, чем «Левиафан» или «Трудно быть богом».

... по-настоящему авторское, дающее широко развернуться ведущим исполнителям: музе Лопушанского – Суханову и дебютантке Денисовой в исторически важной роли.

«Русский дух на ощупь – от Константина Лопушанского». Евг. Ткачев, Егор Беликов.
«Афиша», 9 авг. 2019

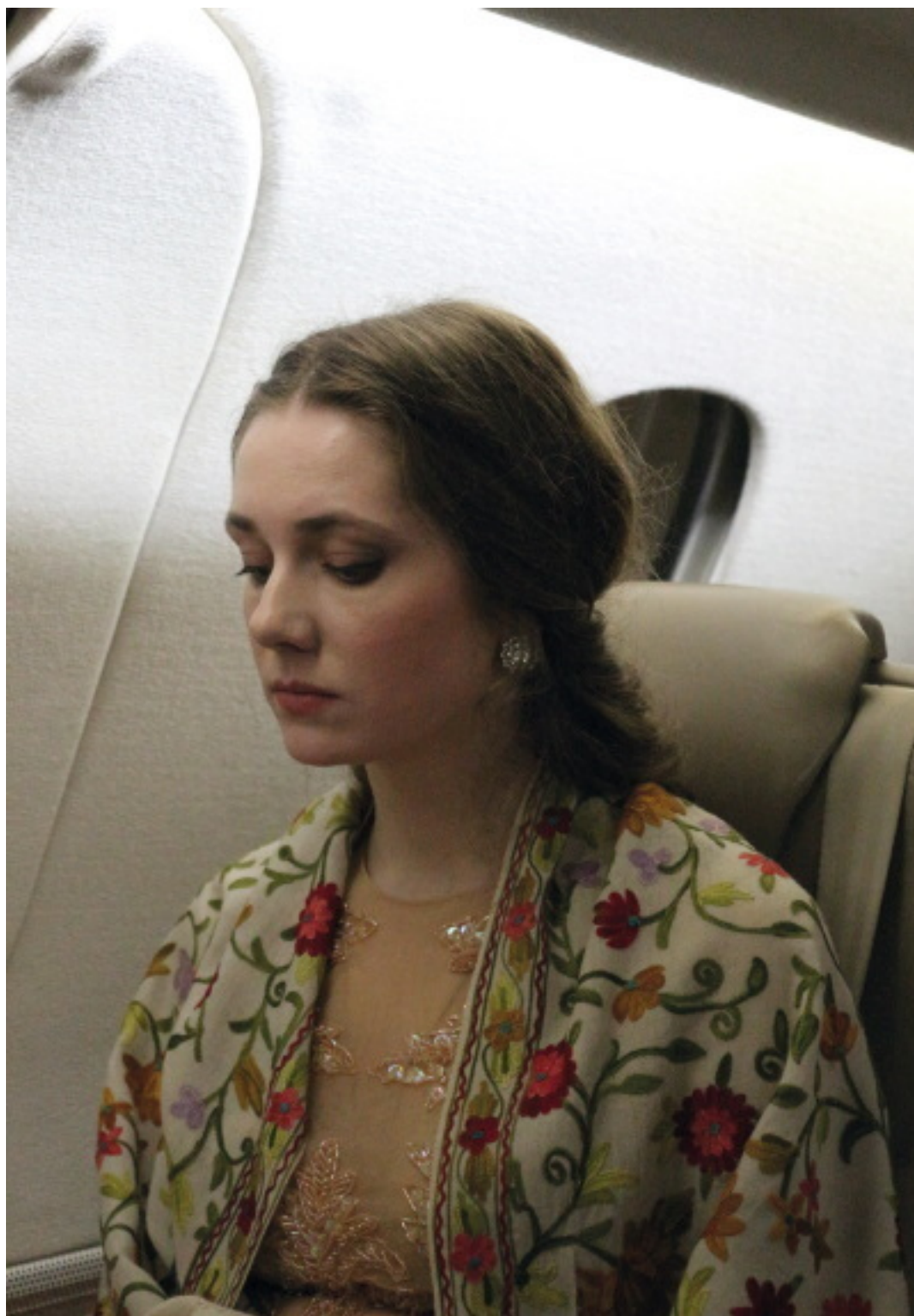

Константин Лопушанский. Павел Финн. «Роль»

СЦЕНА 1. КВ-РА ЕВЛАХОВЫХ В ВЫБОРГЕ. ИНТ. УТРО. ЗИМА. 1922 г. ФОН ПОД ТИТРЫ.

В спальне очень темно, шторы на окнах закрыты. Слабый утренний свет с трудом проникает сквозь них. Евлахов сидит возле какого-то столика с зеркалом. В темноте чуть различимо его лицо и его туманное отражение. Чуть светится в полутьме глаз, тут же пропадает. Дыхание остается на стекле. Продолжая всматриваться в себя, Евлахов непрерывно что-то бормочет. Шепот, бессвязная речь, будто медитация, будто камлание. Внезапно он затихает. Отходит от зеркала в глубь комнаты, теряется в темноте.

На фоне этих кадров идут начальные титры и появляется название фильма:

РОЛЬ

СЦЕНА 2. УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ ЕВЛАХОВЫХ. ВЫБОРГ. УТРО. ЗИМА. 1922 г.

Надпись: Выборг. Финляндия 1922 год.

Серый северный день. Укрываясь от мокрого снега и ветра, спешат по улице редкие прохожие. К дому подъезжает машина. Из нее выходит Амалия Андреевна Евлахова, смотрит на верхние этажи дома, направляется к парадной двери. Следом за ней идет шофер и несет ее большой саквояж.

Громко сигналив и пыхтя, по улице проезжает автомобиль.

СЦЕНА 3. КВ-РА ЕВЛАХОВЫХ В ВЫБОРГЕ. УТРО. ЗИМА. 1922 г.

Марта, служанка Евлаховых помогает Амалия Андреевне снять пальто.

(фин. яз.) – Что Николай Павлович? Завтракали? – спрашивает Амалия Андреевна.

(фин. яз.) – Еще не вставали, – отвечает Марта и добавляет чуть тише, – Всю ночь лампы жгли у себя, сам с собой разговаривали... опять...

Амалия Андреевна проходит через гостиную, затем, помедлив, неуверенно подходит к двери спальни. Прислушивается. Стучит.

– Николай, вы уже проснулись?.. (*чуть громче*). – У вас сегодня встреча с немецким писателем. Вы не забыли?

Амалия Андреевна приоткрывает дверь.

– Какая встреча? – доносится из комнаты.

– В театре. Вы же сами назначили.

Амалия Андреевна входит в спальню. Здесь полутьма. Николай Павлович сидит в халате на постели. Он смотрит на вошедшую Амалия Андреевну, но взгляд его словно устремлен сквозь нее.

– Как съездили? – тихо говорит он.

– Я съездила плохо. У Зингера денег нет.

Николай Павлович продолжает сидеть и думать уже, похоже, о чем-то своем.

Амалия Андреевна раздраженно открывает шторы. Свет проникает в комнату.

– Вы что, не ложились? – удивленно спрашивает она.

Евлахов молчит, не отвечает.

Это длится какое-то время и, наконец, становится невыносимым для нее. Она прерывает молчание.

– Николай, так больше продолжаться не может. Нам надо объясниться.

– Что?

– Вы еще спрашиваете? Нет, это поразительно. Я хочу знать, что с вами происходит, наконец.

– А что происходит?

– Что это за траты такие немислимые? – повышает голос Амалия Андреевна. – Что это за люди, которые к вам приходят, с лицами закоренелых убийц... И вы им даете немислимые суммы денег... За что? Что у вас с ними общего?

– Жизнь.

– Что? Вы слышите, что я спросила? Я ваша жена, Николай. Я обязана это знать.

– Давайте, лучше выгоним Марту. Сэкономим.

– Зачем? Она хорошая служанка.

– Плохая. Она доносит на меня вам. Это отвратительно.

– Послушайте, я не хочу обсуждать прислугу. Я хочу знать другое. Откуда у вас эти деньги? Как я понимаю, вы распродаете драгоценности, последнее, что у нас есть. На что мы будем жить? На что? На что?!

Амалия Андреевна начинает плакать.

– От контрактов вы отказываетесь, – говорит она, всхлипывая, – Эммануил Карлович, сказал, что вы, оказывается, не едете на гастроли с театром в Германию. У вас видите ли нет времени. Нет времени! – деланно смеется она. – Чем вы заняты, хотела бы я знать?.. От синемаатографа вы отказались тоже. Что дальше, я спрашиваю?

– Не знаю. Судьба.

– Вы издеваетесь?

Амалия Андреевна резко выходит из спальни.

– Невыносимо. Ну, просто невыносимо, – доносятся ее всхлипывания.

Николай Павлович продолжает сидеть, чуть покачивая головой, словно в такт какой-то своей мысли, чуть слышно повторяя: судьба.

СЦЕНА 4. УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ ДОКТОРА ШОФМАННА. ВЫБОРГ. ДЕНЬ. ЗИМА. 1922 г.

Машина-такси останавливается на шумной центральной улице города. Из нее выходит Амалия Андреевна и направляется к респектабельному подъезду.

СЦЕНА 5. КАБИНЕТ ДОКТОРА ШОФМАННА. ДЕНЬ. ЗИМА. 1922 г.

(вся сцена на финском языке)

Амалия Андреевна поднимается по лестнице подъезда. Подходит к двери с множеством медных табличек. Одна из них сообщает, что здесь принимает пациентов доктор Шофманн, приват-доцент. «Психоанализ и психические болезни. Конфиденциально» – свидетельствует надпись.

Амалия Андреевна дергает звонок. Дверь открывается. Медсестра по-фински приглашает её войти. Она входит в приемную, садится, тут же встает, идет из угла в угол, снова садится. Кроме нее в приемной никого нет. Открывается дверь кабинета, появляется доктор Шофманн.

– Прошу вас, Амалия Андреевна. Извините, заставил ждать, – доктор Шофманн привычно улыбается.

– Ничего. Простите за неожиданный визит, доктор.

– Прошу вас.

В самом кабинете доктора ничего медицинского собственно нет. Стоит у стены кушетка для пациентов, рядом с ней у валика-изголовья стул для доктора. Классическая мизансцена для психоанализа. Амалия Андреевна идет мимо кушетки и садится к столу. Шофманн садится напротив. Молчат.

- Что случилось на этот раз, – осторожно спрашивает доктор.
- Плохо с ним, доктор... С ним очень и очень плохо. Он тяжело болен. Поверьте, я не мнительная, дело не в этом. Я же вижу. Он болен.
- Давайте по порядку. Что случилось на этот раз?
- Он собрался уйти из театра. Практически уже ушел. Отказывается от контрактов, от гастролей.
- Снова депрессия?
- Нет, совсем наоборот. У него появилась какая-то идея-фикс. Какой-то психоз. Да, именно. Я знаю это его состояние очень хорошо, поверьте. Живет как во сне. Говорит сам с собой, бормочет. Словно он что-то репетирует, готовит какую-то роль. Но! – она сделала паузу, – у него нет сейчас никакой новой роли. Понимаете?.. Он снял какое-то помещение, при наших-то расходах. Пропадает там день и ночь. Я думала вначале, что он хочет открыть студию, театральные классы, давать уроки. Ничего подобного.
- Амалия Андреевна тяжело перевела дыхание.
- Я не могу это больше видеть, его надо спасать. Надо что-то делать.
- Но что я могу сделать, Амалия Андреевна, дорогая моя? Что я могу? – Шофманн для убедительности развел руками.
- Но вы же доктор. Вы лечили его. Удачно лечили... Вы наблюдаете его больше года.
- Тогда у него была депрессия. Это было довольно просто. У кого тогда ее не было.
- Что же делать?
- Я не могу помочь пациенту, если он сам не хочет лечиться. А он не хочет. Вы это знаете. – довольно раздраженно сказал доктор, и добавил спокойнее. – Попробуйте отвезти его в Вену к доктору Фрейду, его авторитет, возможно, как-то сумеет убедить. Хотите я напишу письмо?
- Какая сейчас Вена, – Амалия Андреевна горько усмехнулась. По ее щекам потекли слезы. – Ну, что же мне делать. Что делать.
- Если честно сказать, – вдруг понизил голос Шофманн, – Я их иногда совсем не понимаю.
- Кого? – Амалия подняла на него глаза.
- Русских. Они совершают порой такие поступки. Такие. Я даже не понимаю их мотивацию, хоть я и психолог. Это как у Достоевского. Вы читали его?

СЦЕНА 6. ВХОД В ТЕАТР. ВЫБОРГ. ДЕНЬ. ЗИМА. 1922 г.

У входа останавливается такси. Выходит Евлахов. Неторопливо, с достоинством входит в театр. Двое прохожих у афиши с нескрываемым интересом смотрят на него.

СЦЕНА 6А. ВЕСТИБЮЛЬ ТЕАТРА. ВЫБОРГ. ДЕНЬ. ЗИМА. 1922 г.

В вестибюле театра толкуются первые зрители. Тут же и поклонницы Евлахова, обсуждают какие-то театральные новости. Заметив своего кумира, они пылко бросаются к нему.

- Николай Павлович, Николай Павлович! Одну минуту! – пытаются они преградить ему дорогу.
- Нет, нет, милые мои, – улыбается он, – не сейчас. Не сейчас.
- Он решительно направляется по лестнице, ведущей в служебные помещения.
- Евлахов! Вы гений! – кричит ему вслед одна из восторженных поклонниц. Среди ее подруг раздаются аплодисменты.

СЦЕНА 7. ТЕАТР «АНТРЕПРИЗА». ЗАЛ. ВЫБОРГ. ДЕНЬ. ЗИМА. 1922 г.

Только что закончилась репетиция. Актеры уже разошлись, кто куда. Только двое из них еще собирают бумаги, вещи, лежащие в креслах первого ряда.

На сцене рабочие монтируют декорацию к вечернему спектаклю. Откуда-то сквозь дверь доносятся звуки репетиции канкана под пианино.

В зале возле режиссерского столика, стоящего в проходе между рядами, сидят директор театра Эммануил Карлович Жиромский и его гости: немолодой мужчина г-н Герц из Германии и его юная помощница Магда. Пьют чай. Говорят по-русски, причем Герц явно с трудом, поэтому периодически Магда переводит для него на немецкий язык, сказанное Жиромским.

– Какой у них может быть взлет, уважаемый профессор, какое новаторство? – не прерывая беседу, Жиромский кивает актерам, последними покидающими зал. – Дикарство и варварство. Вот все, что может быть в Совдепии, более ничего. Кухаркины радости. Поговорите с бежавшими оттуда. С тем же Евлаховым.

– А Меерхольд? А Евреинов? – не соглашается вежливо Герц.

– А что Меерхольд... Он кончился на «Маскараде». Ничего лучше он не поставил. Сейчас – чиновник театрального отдела. Смешно! Ставит агитки.

Внезапно Жиромский умолкает на полуслове. В зал входит Евлахов, в распахнутом пальто, посвежевший, гладко выбритый. Трудно сейчас в нем узнать измученного неведомой психической болезнью человека, который утром, сидя на кровати беседовал сам с собой.

– Надеюсь, не опоздал? – улыбается Евлахов, подходя к столику. – День добрый господин Герц, здравствуйте Эммануил Карлович, здравствуйте Магда.

Жиромский подходит к Евлахову.

– Николай Павлович, голубчик, – негромко говорит он, – зайдите ко мне после беседы раз уж вы тут.

– Ну, я же все вам сказал, дорогой мой. Я не еду ни в какую Германию.

– Не говорите ничего сейчас. просто зайдите. Умоляю.

И обращаясь к гостям, уходя, добавляет:

– Я сейчас распоряжусь еще насчет чая. Не буду мешать...

Николай Павлович снимает пальто, садится. Наливает себе чай.

– Где будем беседовать? Здесь? – спрашивает он.

– Если вы не против.

– Разумеется. И так. В прошлый раз мы остановились, кажется, на Евреинове и его теории «двойного театра»

– Да, верно. Кстати, он назвал вас недавно своим единственным учеником. В интервью французской газете. Вы не знали об этом?

– Нет, не знал. Что ж. Довольно лестно, – Евлахов помолчал, улыбнулся. – Да. А что касается его системы «двойного театра». – он замаялся. – По моему мнению, это больше, чем театр. Это. не знаю даже как назвать. философия, что ли.

Открывается дверь в коридор, оттуда сразу доносится шум, затем затихает. Евлахов кивает кому-то приветливо.

– Вот, по поводу «двойного театра», – Герц задумался, подыскивая слова, пытаясь точнее сформулировать мысль. – Я никак не могу понять, неужели Евреинов всерьез предлагал актерам покинуть сцену профессионального театра, чтобы выступить на «сцене жизни», как он говорил?

– На сцене реальной жизни, – поправил Евлахов и добавил, – называя именно это вершиной актерского мастерства. Как в пьесе «Самое главное».

– Но, что он имел в виду? Не буквально же.

– Думаете? – Евлахов чуть усмехается. Молчит, словно раздумывая, сказать или не сказать. – Вот, подойдите сюда.

Николай Павлович подходит к лежащему на барьере оркестровой ямы плащу и выставленной уже декорации вечернего спектакля. Вблизи видно, что это разрисованное полотно, закрепленное на рейках.

– Это плащ из «Макбета», как вы догадываетесь, а это декорации, – Евлахов показал рукой в сторону сцены. – Чем должна пахнуть эта материя, эта стена? Кровью, убийством, конским потом, мочой, простите за подробности. А чем она пахнет? Пылью, профессор. Пылью и краской. И еще дешевыми духами актрис.

Евлахов неожиданно наклонился к Герцу, перейдя на шепот:

– Нельзя... Понимаете? После того, что было, после мировой войны, после бойни в России, нельзя играть в пыльных декорациях старого театра. Он умер, как и эпоха. Умерла. Теперь все, даже дети, знают, как пахнет кровь и какая она на вкус.

Герц чуть отступил от Евлахова, не в силах выдержать взгляд его пронзающих полубезумных глаз. Между тем Евлахов вдруг улыбнулся, словно маску надел – другое лицо.

– Простите, это я так, – мягко сказал он. – А вот, кстати, еще чай принесли.

Входит барышня – ассистент, ставит еще один чайник на столик.

– А что синемаатограф? – спросил Герц, присаживаясь к столику с чаем.

– А что синемаатограф? – скептически улыбнулся Евлахов. – Та же иллюзия, условность.

Целлулоидный фокус, больше ничего.

Они сидят какое-то время молча. Пьют чай. Евлахов кивает проходящим вдоль прохода костюмерам и актерам.

– Я, знаете, как-то видел бой, – вдруг говорит Евлахов, – настоящий, страшный бой, в Сибири. Был вечер. Представьте – багрово-черное небо и город под ним. Город горел. Горела станция. И конные насмерть рубились на фоне огня, на фоне заката. На наших глазах. Все было видно до мелочей. Я помню, как вдруг художник, что был с нами, нежнейший, христианнейший человек, сказал. Даже не так. Он выдохнул, он выкрикнул: «Как это красиво!»... Понимаете. Убийство, кровь, и. «как это красиво»... Я помню его лицо. Оно пылало таким неподдельным восхищением. этой трагической красотой, этой симфонией смерти. Потому что, никакая живопись не способна передать это. Потому что любое искусство – иллюзия, а это была жизнь. Так и «двойной театр», вернее.

Евлахов вдруг замолчал, посерьезнел, отвел глаза от собеседников, словно забыл о них.

Тихо пробормотал, уже ни к кому не обращаясь: – а это жизнь. Да. Это жизнь.

Герц ошеломленно смотрел на Евлахова, словно догадываясь о чем-то, во что невозможно было поверить.

– Извините, – вдруг резко сказал Евлахов. – Мне надо побыть одному.

Он резко встал и вышел из зала.

Герц и Магда, недоуменно переглянулись, глядя ему в след.

– Какой странный, – сказала Магда

СЦЕНА 8. РЕСТОРАН. ВЫБОРГ. ДЕНЬ. ЗИМА. 1922 г.

В ресторане, судя по говору, собирается в основном русская публика. Народу полно. Ходят от стола к столу, приветствуя друг друга. Многие офицеры в военной форме.

Евлахов идет между столиков, высматривая кого-то, при этом непрерывно кивая, здороваясь. Ему улыбаются, особенно дамы, похоже, он популярен в этих кругах.

За одним из столиков сидят три дамы. Одна из них тихо говорит соседке:

– Посмотри налево, только не оборачивайся.

– А кто там?

– Евлахов.

– Евлахов? – дама не выдержав, все-таки оглядывается.

К Евлахову подходит пожилая дама:

– Как ваше здоровье, Николай Павлович? – спрашивает она. – Мне сказали, что вы не едете на гастроли в Германию.

– Возможно. Еще не решил, Ольга Карловна. – отвечает он, продолжая отыскивать взглядом кого-то.

– Берегите себя, дорогой вы наш, – говорит она ему вслед.

Какая-то девица подходит к нему, жеманно покачивая головкой, протягивает альбом для автографа.

В соседнем зале, где идет игра в бильярд, Евлахов, наконец, замечает того, кого искал. Это невысокий коренастый человек, в морском кителе, без знаков различия. Одинцов.

Одинцов тоже замечает Евлахова, прерывает игру, что-то говорит партнеру, перекатывая папироску во рту, и направляется к Николаю Павловичу.

– Я думал вы уже не придете, – говорит Одинцов, подходя к Евлахову.

– В театре задержался. Извините...

Они идут молча через зал, направляясь к выходу.

СЦЕНА 9. УЛИЦА ВОЗЛЕ ПОДВАЛЬНОГО ПОМЕЩЕНИЯ. ВЫБОРГ. ДЕНЬ. ЗИМА. 1922 г.

Одинцов и Евлахов идут по узкой безлюдной улице, сворачивают во двор.

СЦЕНА 9А. ПОДВАЛЬНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ. ВЫБОРГ. ДЕНЬ. ЗИМА. 1922 г.

Они спускаются в подвальное помещение, идут по коридору, подходят к железной двери. Она не заперта. Там, за дверью, в глубине комнаты горит голая лампа, стены, пол, заставлены какими-то мешками, чемоданами. Похоже на вещевой склад.

Навстречу им из темноты выходит невысокий паренек в кожаном фартуке и кепке.

– Выйди, – коротко командует пареньку Одинцов.

Тот послушно направляется к выходу. Закрывает за собой плотно дверь.

Между тем, Одинцов развязывает большой мешок и достает оттуда комиссарскую кожанку, сильно потертую, с растрескавшимися обшлагами рукавов. Протягивает ее Евлахову:

– Настоящая, Николай Павлович. Как и просили.

Евлахов придиричливо осматривает ее, подносит близко к лицу, почти принохивается. Снова осматривает.

– Ладно. Беру... – наконец говорит он. – Когда револьвер достанете, наган?

– Да, Бог с вами, Николай Павлович! Тут этих наганов – бери не хочу. Сколько угодно. Чего через границу тащить? А? Где разница?

– Разница есть. Рука. – Евлахов помолчал и добавил тихо, – рука, она метал чувствует, помнит. Пот, кровь. Особенно, если металлом этим. столько людей.

– Как скажете. Мне что. Мне денег ваших жалко. Через границу – раз в десять дороже будет.

– Знаю. – Евлахов отсчитывает деньги за кожанку. – Вот, кстати, возьмите.

Одинцов берет деньги, затем начинает искать, во что бы завернуть куртку.

– Заверните в холстину, я потом верну, – говорит Евлахов.

Одинцов заворачивает аккуратно кожанку.

– Я что спросить хотел, Николай Павлович. Если можно, конечно.

– Да?

– Я тут земляка встретил, он тоже контрабандой подрабатывает. Помощником он, у Рыжухина. Так говорит он, что вроде вы... у Рыжухина-то этого, архив краскома какого-то из Сибири, выкупили. За пять тысяч франков. Нешто не врет? Деньги-то какие.

Евлахов ответил не сразу, решая, стоит ли говорить правду.

– Не врет, Валериан Семенович. Не врет. Он за этим архивом специально ходил на ту сторону. Рисковал сильно.

– Я к чему спрашиваю. Если архивы какие – в такой цене. Так я, всегда пожалуйста. И вдвое меньше возьму.

– Я буду иметь в виду – усмехнулся Евлахов,

Он берет сверток, направляется к выходу. От двери говорит, не оборачиваясь:

– Вы, главное, Валериан Семенович, об уговоре нашем помните. Очень прошу вас.

– А как же. Как условились. Никому.

СЦЕНА 10. УЛИЦА ВОЗЛЕ СТУДИИ ЕВЛАХОВА. ВЫБОРГ. ВЕЧЕР. ЗИМА. 1922 г.

Со свертком под мышкой Евлахов идет по окраинной, тихой улице. Подходит к открытым воротам длинного проходного двора, ведущего вглубь строений. На секунду оглядывается, на улице никого нет. Он входит во двор.

СЦЕНА 11. ЛЕСТНИЦА В ПАРАДНОМ ПЕРЕД СТУДИЕЙ ЕВЛАХОВА. ВЫБОРГ. ВЕЧЕР. ЗИМА. 1922 г.

В парадном темно, тусклый свет проникает из небольшого оконца между пролетами. Евлахов поднимается по лестнице на самый верх. Его студия находится в чердачном помещении под крышей.

Достигнув двери, он достает ключ и долго копается, пытаясь найти замочную скважину. Наконец, открывает дверь.

Неожиданно в темноте раздаются шаги. Евлахов резко оглядывается, всматриваясь в глубину площадки. Оттуда появляется женская фигура. Это Амалия Андреевна.

Она ничего не говорит, подходит, глядя с вызовом на Евлахова, достает папиросу, зажигает спичку, пытаясь прикурить. Спичка гаснет.

– Я хочу зайти... туда, – тихо и жестко говорит она. – Я хочу видеть, что там, за дверью. Я могу зайти?

Евлахов молчит какое-то время, раздумывает, затем подходит к Наталье Андреевне, берет ее за руку, смотрит ей в глаза:

– Пойдем.

СЦЕНА 12. СТУДИЯ ЕВЛАХОВА. ИНТ. ВЫБОРГ. ВЕЧЕР. ЗИМА. 1922 г.

Евлахов зажигает керосиновую лампу. Огонек, мигнув, успокаивается, озаряя помещение.

Амалия Андреевна медленно идет вдоль стены, обескураженная увиденным.

Вокруг все напоминает театр, вернее, сцену из какого-то спектакля. Вот только какого? На манекене из пошивочной висит длиннополая краскомовская шинель, почерневшая от времени и въевшейся грязи. На ней, на торчащем из манекена штыре – буденовка со звездой, превратившаяся в грязное выцветшее пятно, чуть поодаль на столе – лампа керосиновая, алюминиевая миска, ложка, граненый стакан в подстаканнике. На газете, постеленной тут же, две сморщенные картофелины и кусок черного засохшего хлеба. Завершает всю композицию большой обугленный чайник и рядом с ним две тетрадки, с лежащим поверх огрызком чернильного карандаша.

Во всей нарочитой случайности расположенных на столе предметов чувствуется, однако, детальная продуманность, так как все это, тем более при свете керосиновой лампы выглядит как законченный натюрморт из какой-то другой, непонятной, чужой и враждебной для Амалии Андреевны жизни.

Она садится на стул, стоящий у стены. Молчит и продолжает в растерянности разглядывать предметы, при этом все более и более наполняясь очевидным раздражением, смешанным то ли со страхом, то ли с ненавистью.

– Я ничего не понимаю, – говорит она тихо и прерывисто, с трудом сдерживая истерику. – Что ты хочешь этим сказать? То есть, что все это значит? Я не понимаю. Нет, я действительно не понимаю.

– Ты все прекрасно понимаешь, Амалия, – резко перебивает Евлахов. – И давно. Я помню, как ты испугалась, когда я начал собирать материалы об этом человеке... Все ты давно поняла, но только боишься признаться себе в этом. Такой дамский самообман. Это тебе, милая, надо ходить к Шофманну на психоанализ, а не мне. Да! Да!

– Ты не отводи глаза! – повышает голос Евлахов. – Не отводи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.